

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364–1477**

Том 6

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364–1477. Том 6**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364–1477. Том 6
/ П. Барант — «Издательские решения»,

В шестом томе «Истории герцогов Бургундских» М. де Баранта описаны ключевые события 1429–1438 гг.: коронация Карла VII, подвиги и гибель Жанны д'Арк, Аррасский мир (1435), разрыв Филиппа Доброго с Англией, неудачная осада Кале, переход Парижа под власть французов, а также кровавые мятежи фламандских городов (Гент, Брюгге) и разорение Франции отрядами «кожедёров». Автор создаёт драматическую панораму поздней Столетней войны, сочетая дипломатические интриги, рыцарские турниры и народные волнения.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

Книга третья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 6

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-9170-1 (т. 6)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том шестой. — Филипп Добрый

Г-н де Барант Пэр Франции Париж — Ladvocat — 1825

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемый вниманию русского читателя том представляет собой перевод шестой книги монументального труда барона Проспера де Баранта «История герцогов Бургундских из дома Валуа» (*Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois*), охватывающего период с 1364 по 1477 год. Настоящий том посвящён правлению Филиппа Доброго (Philippe-le-Bon) — третьего герцога Бургундского из младшей ветви дома Валуа, фигуры, чья роль в европейской истории XV века выходит далеко за пределы его собственных владений.

О сочинении М. де Баранта. Труд де Баранта, впервые опубликованный в 1824—1826 годах, стал классическим образцом исторического повествования в духе романтической историографии. Автор, принадлежавший к либеральной аристократической среде Реставрации, не только воссоздаёт политическую и военную историю Бургундского государства в эпоху его наивысшего могущества, но и стремится проникнуть в психологию действующих лиц, воспроизвести «дух времени» и нравы эпохи. В его изложении история предстаёт как драма, где переплетаются судьбы государей, вельмож, горожан и простолюдинов, где за дипломатическими интригами и военными походами угадываются живые человеческие страсти — честолюбие, верность, коварство, жестокость и величие духа.

Де Барант опирается на обширный корпус первоисточников — хроники Жоржа Шатье (Chartier), Ангеррана де Монстреле (Monstrelet), Ле Февра де Сен-Реми (Berry, le héraut), а также Оливье де Ла Марша, Томаса Базина, итальянских и английских авторов, документы Парламента, ордонансы и городские хроники. Это позволяет ему давать подробные описания событий, ссылаясь на различные версии и критически их сопоставляя, что придаёт его труду научную добросовестность, несмотря на яркую литературную форму.

О Филиппе Добром и его эпохе. Филипп III Добрый (1419—1467) унаследовал от отца, Иоанна Бесстрашного, обширные земли в Бургундии, Фландрии, Артуа, Франш-Конте и Голландии. За годы его правления Бургундское государство достигло зенита могущества: он приобрёл Намюр, Брабант, Лимбург, Эно, Голландию и Зеландию, фактически создав самостоятельное государство, простиравшееся от Северного моря до Альп. Однако его политика была двойственной: с одной стороны, он был вассалом французской короны, с другой — стремился к независимости и даже рассматривал возможность восстановления древнего Лотарингского

королевства. Его союз с Англией против Карла VII во время Столетней войны сделал его ключевой фигурой конфликта, а его участие в суде над Жанной д'Арк оставило тень на его репутации. В то же время Филипп был покровителем искусств, основателем ордена Золотого Руна (Toison d'Or), который стал символом бургундского рыцарства и европейской дипломатии.

О содержании настоящего тома. Книга III открывается коронацией Карла VII в Реймсе — событием, во многом ставшим возможным благодаря подвигу Жанны д'Арк. Де Барант подробно описывает её роль, её письма, характер, отношения с королём и военачальниками, а также её неудачную попытку штурма Парижа, пленение и трагический конец. Здесь же автор показывает интриги при дворе, дипломатические ходы и военные кампании, включая осаду Компьёна, войну с льежцами, битвы в Шампани и Лотарингии, а также въезд английского короля Генриха VI в Париж.

Книга IV посвящена продолжению переговоров между Англией, Францией и Бургундией, а также внутренним смутам во Фландрии. Де Барант прослеживает эволюцию бургундской дипломатии от союза с англичанами до знаменитого Аррасского мира 1435 года, который ознаменовал разрыв Филиппа с Англией и примирение с Карлом VII. Здесь же описаны восстания в Генте, покушения на Дижон, конфликты в Нормандии и Провансе, а также рыцарские турниры и дипломатические встречи.

Книга V, с которой начинается наш перевод, охватывает период после Аррасского мира. Герцог Бургундский, теперь официально союзник французского короля, объявляет войну Англии. Начинается осада Кале, которая, однако, завершается неудачей из-за мятежа фламандских ополченцев. Тем временем Париж, измученный английским правлением и голодом, сдаётся войскам коннетабля Ришмона. Де Барант со свойственной ему живостью описывает падение столицы, возвращение короля Карла VII, а также продолжающиеся беспорядки, вызываемые разбойничьими отрядами «кожедёров» (*écorcheurs*), разоряющих французские провинции. Отдельное место уделено трагической гибели маршала де Лиль-Адана в ходе брюггского мятежа и жестокому подавлению восстаний во Фландрии.

О переводе. При переводе я стремился сохранить стилистическую манеру де Баранта — плавный, несколько архаизированный повествовательный слог, сочетающий документальную точность с эмоциональной выразительностью. Автор часто использует длинные периоды, риторические вопросы и прямые обращения к читателю; стараясь воспроизвести это на русском языке, я избегал излишней модернизации фразеологии. Термины, связанные с феодальным правом, военным делом и администрацией (такие, как *bailli*, *prévôt*, *échevins*, *sire*, *écuyer* и др.), переданы устоявшимися русскими эквивалентами (бальи, прево, эшеваны, сеньор, оруженосец). Названия городов и местностей даны в традиционной для русского языка форме (Кале, Брюгге, Гент, Аррас и т.д.). Имена исторических лиц приведены согласно принятой в русской историографии транскрипции (Филипп Добрый, Карл VII, Иоанна д'Арк, коннетабль Ришмон и др.).

Все сноски на источники, приведённые автором в конце книги, сохранены и пронумерованы соответственно оригиналу; они даются в отдельном списке.

О значении труда. «История герцогов Бургундских» де Баранта остаётся не только важным источником по истории позднего средневековья, но и замечательным памятником французской исторической прозы XIX века. Читатель найдёт здесь не сухой перечень дат и сражений, а живую картину эпохи, где переплетаются величие и жестокость, рыцарская честь и политическое коварство, народные движения и династические расчеты. Надеюсь, что русскоязычный читатель по достоинству оценит это повествование, столь богатое на драматические повороты и яркие характеры.

Антонов В. А.

Книга третья

Король коронован в Реймсе. — Дева атакует Париж. — Первые переговоры между королём и герцогом Бургундским. — Осада Компьеня. — Дева в плену. — Война в Дофине. — Успехи французов. — Суд над Девой. — Война в Лотарингии. — Переговоры о мире.

ТОТЧАС после битвы при Пате Жанна вернулась к королю и вновь стала настаивать на походе в Реймс [1]. Дела шли столь успешно, что решено было последовать её совету, хотя он и не казался вполне благоразумным. Другие предлагали сперва взять Кон и Ла-Шарите, чтобы полностью овладеть течением Луары; но эти города подпадали под перемирие, заключённое герцогом Савойским между Францией и Бургундией. К тому же все прониклись надеждой на обещания Девы, которые, казалось, исходили от Бога. Ей не удалось столь же успешно убедить короля примириться с коннетаблем. Король ни за что не желал, чтобы этот принц участвовал в походе на Реймс. Тщетно коннетабль умолял сира де Ла Тремуя позволить ему послужить королю и обещал сделать всё, что тому будет угодно, хоть даже обнимать его колени [2]; сир де Ла Тремуя оставался непреклонен в своём упрямстве и поддерживал короля в столь великом гневе, что тот велел передать коннетаблю, чтобы уезжал и что он лучше предпочтёт никогда не быть коронованным, чем видеть его на коронации. Граф де Ла Марш также получил приказ не приезжать. Это означало лишиться могущественной поддержки в опасном предприятии.

Не то чтобы рыцари не прибывали отовсюду; но даже их сир де Ла Тремуя принимал довольно дурно. Ему всё казалось, что их слишком много; то ли потому, что у него не было денег им платить, ведь он смог распорядиться выдать лишь по три франка на латника; то ли потому, что боялся, как бы против него не составил заговор. Он был столь недоверчив, что, когда король находился в Сюлли, близ Орлеана, он не поехал, хоть Дева его и просила, посетить свой добрый город, который столь храбро оборонялся. Жители, однако, ждали его с великой любовью и приготовили ему пышную встречу [3].

Выступили из Жьена 28 июня. Кроме коннетабля и графа де Ла Марша, который также был в немилости у короля, в походе участвовали все военачальники. Маршал де Буссак с сиром де Рэ, Ла Гиrom и Сентрайлем находились в авангарде. Всего насчитывалось около двенадцати тысяч воинов, все доблестные, преисполненные надежд и отваги, нимало не тревожившиеся о том, что проходят через край, чьи города, крепости и замки были заняты англичанами и бургундцами [4].

Подошли к Осеру; герцог Бургундский держал тогда этот город в залоге за суммы, которые ему причитались. Совет Бургундии собрал силы в Отёне, чтобы защитить герцогство в случае нападения, и отправил слугу сира Жана де Ла Тремуя к его брату Жоржу де Ла Тремуя, который правил при короле, выяснить, намерены ли французы соблюдать перемирие. Город также послал депутатов к королю, предлагая, за плату, снабдить армию продовольствием, в котором та остро нуждалась, и принести королю присягу, если то же сделают жители Труа, Шалона и Реймса [5]. Договор был принят, к великой досаде Девы и воинов. Уверяли, будто сир де Ла Тремуя получил две тысячи экю за то, чтобы так милостиво обойтись с городом, в который, как говорили, следовало бы войти приступом.

Оттуда двинулись на Труа. Городу было предложено сдаться, но он отказался. Гарнизон состоял из пяти или шести сотен бургундцев; сначала они совершили вылазку против авангарда. Простояв лагерем перед городом пять или шесть дней, король оказался в трудном положении. У всех его людей не было продовольствия. Вот уже восемь дней, как семь или восемь тысяч человек, бывших с ним, не ели хлеба и поддерживали силы лишь тем, что обмолачивали колосья да собирали зелёные бобы. С собой не привезли ни бомбард, ни артиллерии. Жьен был ближайшим местом, откуда можно было доставить припасы, а до него было не менее тридцати лье. Ни у кого в лагере не было денег; нуждались во всём. Беспрестанно вели пере-

говоры с людьми гарнизона и города, но те, казалось, не имели охоты покоряться, а напугать их было нечем. Именно эти доводы архиепископ Реймский, канцлер Франции, изложил на совете короля и предложил возвращаться к Луаре. Он никогда не питал большой веры в Деву; в тот день, видя, в каком затруднении находится король, почти весь его совет согласился с мнением канцлера. Однако Робер Ле Массон, сир де Трев, когда пришёл его черёд говорить, заметил, что следует послать за Девой [6]. «Когда король предпринял этот поход, — сказал он, — то не из-за великой силы войска, какую мог иметь; не из-за денег, чтобы им платить; и не потому, что это предприятие казалось возможным, но по совету Жанны Девы, которая говорила, что такова воля Божия и что сопротивление будет невелико. Итак, надо выслушать, что она скажет; если ей нечего добавить к тому, что было сказано в совете, тогда последуем общему мнению, и король возвратится». За Жанной послали; канцлер объяснил ей, в каком трудном положении все находятся, рассказал о сомнениях, обсуждавшихся в совете, и спросил, что, по её мнению, следует делать.

«Поверят ли мне в том, что я скажу?» — спросила она короля. «Если скажете вещи разумные и полезные, я вам поверю», — отвечал король. «Поверят ли мне?» — повторила она. «Да, — сказал король снова, — смотря по тому, что вы скажете». — «Хорошо же, благородный дофин, велите вашим людям идти и штурмовать город, ибо, Богом моим клянусь, вы вступите в город Труа по доброй воле или силой, не далее как через два дня, и бургундские предатели придут от того в полное смятение». — «Жанна, — возразил канцлер, — если бы кто мог быть уверен, что получит город через шесть дней, мы бы, конечно, подождали; но я не знаю, правда ли то, что вы говорите». — «Да, — сказала она, — завтра вы будете в нём хозяевами».

Поверив ей, решили попытаться идти на приступ. Она взяла своё знамя и, торопя всех, велела бросать в ров доски, двери, стропила, всякое дерево, из коего воины построили себе жильё в лагере; принесли вязанки хвороста и фашины, чтобы укрыться как можно ближе к стене и чтобы замаскировать небольшие пушки, бывшие при войске. На следующее утро всё было готово для начала атаки.

Однако гарнизон был немногочислен; горожане не имели особого желания защищаться против своего сеньора и короля; они провели ночь в молитвах в церквах. Брат Ришар, тот знаменитый проповедник, явился к ним, когда его изгнали из Парижа, и он не держал сторону англичан. К тому же имя Девы, чудеса, которые о ней рассказывали, устрашали жителей и даже гарнизон. Они сильно сомневались, от Бога ли она, но оттого боялись её лишь сильнее. Со стен они видели, как она потрясает своим знаменем, а самые простодушные из них уверяли, будто вокруг него вьётся множество белых бабочек [7].

Когда же увидели, что король вот-вот начнёт приступ, переговоры возобновились; епископ, начальники гарнизона, главные горожане пришли в лагерь договариваться. Было условлено, что гарнизон выйдет свободно с оружием, конями и всем своим имуществом; горожане получили от короля полное прощение за свой мятеж, а воинам было запрещено под страхом виселицы причинять им малейший вред [8].

Поскольку гарнизон имел право унести своё добро, латники захотели увести с собой и пленных, выкуп за которых принадлежал им по праву. Но эти бедные люди, когда их выводили из города, взмолились к Деве, чтобы она их освободила. «Богом моим клянусь, — сказала она, — они их не уведут!» Началась была ссора; королю доложили о том, и он тотчас заплатил выкуп [9].

Затем Жанна собиралась войти в город, когда перед нею предстал брат Ришар, творя крёстные знамения и кропя святой водой. Он пришёл от жителей удостовериться, не от дьявола ли она. «Ну же, подойдите, — сказала она, — я не улечу». Потом она вернулась к королю, и, когда он совершал въезд, она была рядом с ним, неся своё знамя [10].

С того дня брат Ришар присоединился к свите короля и ехал вместе с воинами, проповедуя им творить добрые дела; он убеждал города покориться королю и часто склонял их к

тому своими речами [11]. О нём также рассказывали удивительные вещи; говорили, что те бобы, которые, благодаря Бога, французы нашли в окрестностях города и которые, быть может, спасли их от голодной смерти, появились благодаря заботам брата Ришара; передавали, будто он часто повторял в своих проповедях: «Сейте всегда; тот, кому суждено собрать урожай, скоро придёт». Когда парижане узнали, что он стал арманьяком, они охладели к нему, и многие воспользовались этим, чтобы вернуться к своим играм в карты и кости.

Шалон не оказал королю никакого сопротивления; епископ и главные горожане вышли ему навстречу изъявить покорность. Дева обещала королю, что так же будет и с Реймсом. И действительно, сеньор де Шатийон и сир де Савёз, имея лишь небольшой гарнизон, собрали жителей и хотели убедить их защищаться; но горожане их не слушали и отвечали даже с изрядной резкостью и дерзостью [12]. Они сильно боялись Девы, ибо с каждым днём рассказы о ней становились всё более чудесными. К тому же сеньор Рено де Три, архиепископ Реймский и канцлер Франции, имел в своём городе тайных сторонников. Бургундские капитаны были вынуждены отступить.

Итак, король совершил торжественный въезд; два дня спустя, 17 июля 1429 года, он был коронован в Реймском соборе, после того как его посвятил в рыцари герцог Алансонский [13]. Герцог Бургундский был тогда единственным пэром королевства по тройному титулу Фландрии, Артуа и Бургундии. Его место и места других вакантных пэрств заняли главные сеньоры из свиты короля; но ни на кого не смотрели столько, сколько на Жанну Деву: именно ей должно было приписать этот поход и это коронование. Во время церемонии она стояла близ алтаря, держа своё знамя; а когда после миропомазания она бросилась на колени перед королём и, плача, поцеловала ему ноги, никто не мог сдержать слёз, слушая слова, которые она произносила: «Благородный король, отныне исполнилось соизволение Бога, желавшего, чтобы вы прибыли в Реймс принять ваше достойное миропомазание, дабы показать, что вы — истинный король и тот, кому должно принадлежать королевство».

В самый день коронации она велела написать письмо герцогу Бургундскому. Советники короля, зная о раздорах этого принца с англичанами, питали надежду оторвать его от старинных врагов королевства и уже некоторое время искали возможности вступить с ним в переговоры. Ранее, три недели тому назад, Дева уже отправила ему с герольдом первое письмо, приглашая прибыть на коронацию. Затем маршал Бургундии дал ему знать о мирных словах сира де Ла Тремуйя, сказанных во время переговоров о городе Осере [14]. На сей раз, чтобы добиться большего, было решено, что канцлер, сир де Гокур и де Дампьер, а также декан парижского капитула вскоре отправятся посольством в Аррас к герцогу Филиппу. Ему предстояло получить незадолго до того письмо Девы, составленное в таких выражениях [15]:

JHESUS MARIA.

«Высокий и грозный принц, герцог Бургундский, Жанна Дева просит вас от имени Царя Небесного, моего правосудного Верховного Владыки, чтобы король Франции и вы заключили добрый, прочный мир, который долго бы длился. Простите друг друга от чистого сердца, всецело, как надлежит поступать верным христианам; и если вам угодно воевать, ступайте на сарацина. Принц Бургундский, я вас прошу, умоляю и требую так смиренно, как только могу просить, не воюйте более со святым королевством Франции; и велите отозвать немедленно и быстро ваших людей, что находятся в некоторых местах и крепостях сказанного королевства. Со стороны благородного короля Франции, он готов заключить с вами мир, честь его не затронув; и дело только за вами. И я извещаю вас от имени Царя Небесного, моего правосудного и Верховного Владыки, для вашего блага и для вашей чести, что вы не выиграете ни одного сражения против верных французов; и что все те, кто воюет в сказанном святом королевстве Франции, воюют против царя Иисуса, Царя Небесного и всего мира, моего правосудного и Верховного Владыки. И я прошу вас и умоляю вас, сложив руки, не вступайте в битву и не воюйте против нас, вы, ваши люди и ваши подданные. Верьте несомненно, какое бы число

людей вы ни привели против нас, они ничего не выиграют; и великая будет жалость от великой битвы и от крови, что прольётся от тех, кто туда против нас придёт. Три недели тому назад я написала вам и отправила добрые письма через герольда, чтобы вы прибыли на коронацию короля, которая сегодня, в воскресенье, семнадцатый день сего месяца июля, совершается в городе Реймсе. Ответа на них я не получила и с тех пор не имею вестей о герольде. Предаю вас Господу, да хранит Он вас, если будет на то Его воля, и молю Бога, чтобы Он ниспослал добрый мир. Писано в сказанном месте Реймсе, 17 июля».

Ожидая последствий этих мирных предложений, король оказался достаточно силён, чтобы вступить в Иль-де-Франс и приблизиться к Парижу, куда Жанна не раз выражала надежду войти [16]. Английский регент покинул Париж, чтобы ускорить прибытие воинов крестового похода, который вёл кардинал Винчестерский. Что же касается герцога Бургундского, то он не собирал своих людей ни в Пикардии, ни в своём герцогстве. Рене Анжуйский, наследник герцогств Лотарингского и Барского, и дамуазо де Коммерси, которые ранее договаривались с Англией или бургундцами, прибыли в Реймс предложить свои услуги королю. Казалось, всё ему благоприятствовало.

Он начал, по обычаю королей после коронации, с паломничества к гробнице святого Маркуля в Корбени, чтобы получить по заслугам этого святого, который, как говорили, был королевской крови, власть исцелять золотуху прикосновением. Оттуда прибыли в городок Вайи, что в Реймском диоцезе, который сдался тотчас же [17]. Вскоре прибыли депутаты от Лана и Суассона, принесли изъявление покорности от этих двух добрых и сильных городов. Король провёл три дня в Суассоне, где жители выказали ему много любви и радости. Тем временем Креси, Куломье, Провен и многие другие крепости Бри также признали его власть.

Казалось, что Шато-Тьерри должен защищаться лучше; там укрылись Жан де Круа, сир де Бримё, сир де Шатийон и другие знатные бургундские сеньоры, а их гарнизон пополнился людьми, покинувшими прочие крепости. Но горожане выказывали себя вполне французами и желали признать короля. Дева появилась в виду стен [18]; снова разнёсся слух, что вокруг её знамени выются белые бабочки; страх охватил город [19]. Осаждающие на мгновение подумали, что со стороны Парижа подходят англичане; Жанна поддержала их мужество; мгновение спустя гарнизон сдал город и вышел, сохранив жизнь и имущество.

Всё приближаясь к Парижу, король прибыл в Провен. Уже парижане из партии англичан и бургундцев начинали страшиться. Они видели, как в город бегут сельские жители, которые, опасаясь прихода арманьяков, спасались, увозя свой урожай и скот. В то время в Париже не было ни одного знатного сеньора, кроме сира де Л'Иль-Адама с несколькими бургундцами. Однако 24 июля парижане успокоились с возвращением герцога Бедфорда, который вступил в город с кардиналом Винчестерским и людьми, приведёнными им из Англии. За несколько дней, с воинами, снятыми им с гарнизонов Нормандии, с бургундцами и городским ополчением Парижа, он оказался во главе десяти тысяч бойцов. 4 августа он вышел из города и отправился через Корбей и Мелён до Монтеро; отсюда он написал королю письмо, в котором вызывал его на бой, примерно в таких выражениях:

«Мы, Джон Ланкастер, регент и правитель Франции, даём знать тебе, Карл Валуа, который обычно именовал себя дофином Вьеннским, а ныне безо всяких оснований называешь себя королём: ты вновь предпринял поход против короны и владений высочайшего и превосходнейшего принца Генриха, милостью Божией истинного, прирождённого, законного короля Франции и Англии; ты внушаешь простому народу, будто идёшь дать ему мир и безопасность, чего нет и не может быть при тех средствах, кои ты используешь, чтобы обольщать сей невежественный народ; ибо ты прибегаешь к помощи лиц суеверных и отверженных, как то женщины разнузданной и опозоренной, носящей мужское платье и распутного поведения; а также нищенствующего монаха, вероотступника и возмутителя; оба они, как мы осведомлены, мерзостны перед Богом. Силой и мощью оружия ты занял в землях Шампани некоторые

города, местечки и замки, принадлежащие моему государю королю, и принудил подданных нарушить клятвенный мир, обещанный великими сеньорами, пэрами, прелатами, баронами и тремя сословиями королевства: Мы, дабы охранять и защищать истинное право моего государя короля и изгнать тебя из его владений, выступили самилично и удерживаем поле; и мы преследовали и преследуем тебя повсюду, не сумев ещё с тобою встретиться. Мы, всем сердцем желая сокращения войны, призываем тебя и требуем, если ты князь, ищущий чести, сжалиться над бедным христианским народом, который столь долгое время по твоей вине был угнетаем, притесняем и бесчеловечно терзаем; и, не продолжая более войны, назначить в землях Бри, где мы находимся столь близко друг от друга, место удобное и подобающее и день столь скорый, сколь позволяет наша близость. Если согласишься явиться в тот день и в назначенное место, хоть бы и с этой недостойной женщиной, с этим отступником, со всеми клятвопреступниками, каких только пожелаешь, и со всею силой, какую сможешь собрать, — мы там также явимся по доброму соизволению нашего короля и представляя его особу. И тогда, если пожелаешь предложить или представить что-либо касательно блага мира, мы сделаем то, что добрый католический государь может и должен сделать; ибо мы всегда склонны к доброму, непритворному миру, который не будет ни клятвопреступным, ни нарушенным, как в Монтеро, где по твоей вине и с твоего согласия воспоследовало ужасное, гнусное и жестокое убийство, совершённое против чести и закона рыцарства над особой моего дорогого и возлюбленного отца, герцога Бургундского, коему да отпустит Бог; через что дворяне и прочие подданные сего королевства и иных земель остались свободны и изъяты от тебя, твоей власти и от всех присяг в верности, подчинении и преданности, как ты о том объявил заранее в своих жалованных грамотах, подписанных твоей рукой и скреплённых твоей печатью.

Однако, ежели по несправедности и злобе людей нельзя достигнуть блага мира, каждый из нас сохранит и защитит мечом своё дело и свою распрю; и Бог, коий есть единый судия, пред коим государю моему надлежит отвечать, а не перед кем иным, дарует ему на то благодать. Мы смиренно молим Его, ведающего и знающего истинное право и законную распрю моего государя, распорядиться по Своему благоволению, дабы народ сего королевства мог пребывать без ущерба от угнетения и притеснения, в долгом мире и покое, как все короли и государи христианские, имеющие правление, должны того просить и желать. Так дай нам знать безотлагательно, не медля более и не теряя времени в письменах и словопрениях, что ты соизволишь на это сделать; ибо, ежели по твоему недостатку воспоследуют большие беды, продолжение войны, грабежи, выкупы, убийства, обезлюдение страны, мы берём Бога в свидетели и возглашаем пред Ним и пред людьми, что мы тому не причиной, что мы исполнили свой долг и что мы предложили условия разума и чести, либо предварительно через посредство мира, либо через день битвы, как то подобает по праву государей, когда меж столь великими и могущественными сторонами нельзя поступить иначе».

Когда Бедфорд, герольд английского регента, доставил это письмо королю Франции, сей принц и окружавшие его военачальники выказали радостный вид. «Твой господин, — сказал король, — мало будет иметь труда меня найти; это я скорее ищу его» [20]. Французы продвинулись ещё немного к Парижу и расположились лагерем близ замка Нанжи. Всё было приготовлено к битве, с благоразумием и умением; любо было смотреть на воинственную осанку Жанны и на её усердие в приготовлениях к бою. Говорили, что она разумеет в этом столько же, сколь любой латник, сколь бы искусен он ни был [21].

Герцог Бедфорд имел намерение принять сражение, но не искать его; увидев, что король стоит в поле, но не идёт на него в атаку, он поспешил возвратиться в Париж, от которого французы были в тот момент ближе, чем он. Тревога там была уже велика; ворота Сен-Мартен закрыли; и ярмарка Сен-Лоран, куда, впрочем, не пришло много народу, проводилась на сей раз в большом дворе аббатства Сен-Мартен [22].

Таким образом, предприятие короля на Париж не удалось. Некоторые из его советников предложили тогда вернуться к Луаре [23]. Военачальники держались противного мнения; они говорили, что раз враги не отважились сразиться, надобно идти вперёд и продолжать завоевания. Король не согласился с ними, и войско двинулось к Брэ, чтобы перейти там Сену по мосту; но бургундцы ночью завладели городом; они защищали переправу, и её надо было брать силой. Это заставило переменить принятое решение, и, к великой радости Девы, герцога Алансонского, герцога Барского и большинства капитанов, вернулись в Шато-Тьерри; затем продвинулись до окрестностей Даммартена, в десяти лье от Парижа. Повсюду сельские жители и бедный народ, надеясь на конец своих бедствий, кричали «Ноэль», завидя короля, и бежали в церкви петь «Te Deum laudamus». Дева, тронутая этим зрелищем, сказала тогда Орлеанскому бастарду: «Богом моим клянусь, вот добрый народ, и весьма набожный. Когда мне суждено будет умереть, я хотела бы, чтобы это случилось в этом краю». — «Жанна, — сказал Бастард, — знаете ли вы, когда умрёте и в каком месте?» — «Я не знаю, — отвечала она, — это в воле Божией; я исполнила то, что повелел мне Господь мой, а именно: снять осаду с Орлеана и возложить корону на благородного короля. Я очень хотела бы, чтобы он соблаговолил отпустить меня к моим отцу и матери, которые так обрадовались бы, увидев меня вновь. Я стерегла бы их овец и скотину и делала бы то, что привыкла делать». Говоря так, она обратила взор к небу, и никогда сеньоры, там присутствовавшие, не видели столь ясно, что она от Бога, а не от дьявола, как упорно твердили англичане [24].

Великая её слава оставила её столь же простой и скромной. В ней видна была та же набожность; она повсюду прилежно посещала церкви и молилась, когда имела досуг. Её целомудрие и стыдливость были столь велики, что присутствие её отгоняло даже дурные мысли воинов и знатных сеньоров, у которых порой бывала охота делать ей бесчестные предложения. Каждый вечер она шла на постой в дом самой почтенной женщины в том месте и часто даже спала в её постели; иначе она проводила ночь, не снимая доспехов, и никогда не желала оставлять мужскую одежду, дабы, как она говорила, лучше хранить своё целомудрие [25]. Она была кротка, особенно с бедняками, и помогала им, когда могла. Чтобы не обижать их и не огорчать, она не отсылала их, когда они приходили целовать ей руки и одежду; однако такое поклонение казалось ей всё же неподобающим; ибо, хотя она и говорила, что послана Богом, она вовсе не стремилась внушить, будто обладает чудесной силой. Никогда не слышали от неё, будто она не будет ранена или будто может помешать кому-либо получить рану. Многие латники, правда, не из числа знатных сеньоров, покинули свои знамёна, чтобы нести такое же, как у неё; она, однако, не выдавала его ни за благословенное, ни за чудесное, равно как и свой меч. Она старалась придать мужества всем своим примером и упованием на обетования Божии, о которых возвещала: в том и было всё её уменье. «Моё дело, — говорила она, — есть лишь служение» [26]. А когда отвечали, что никогда не видано было ничего подобного, даже в книгах, «У моего Господа, — возражала она, — есть книга, коей ни один клирик прочесть не может, сколь бы ни был он совершенен в учёности» [27].

Герцог Бедфорд, узнав, что король находится столь близко от Парижа, ещё раз выступил с десятью или двенадцатью тысячами бойцов и расположился лагерем на сильной позиции, в селении Митри близ Даммартена. Французы, со своей стороны, стали при Ланьи-ле-Сек и ожидали битвы. Ла Гир и другие отправились на разведку, и произошло несколько стычек у селения Тьё на реке Бёврон. Английский регент был намерен ждать атаки; когда же он увидел, что французы держатся того же намерения, он тотчас возвратился в Париж. Он всегда тревожился о том, что могло бы там произойти, пока король был от города столь недалеко, и не слишком полагался на верность парижан; особенно когда он видел, как все города собственно Франции один за другим с готовностью изъявляют покорность [28].

И действительно, король в это самое время принял изъявления покорности от Компьеня и Бове, откуда жители изгнали своего епископа Пьера Кошона; хотя он и был родом из Франции, он всегда оставался одним из яростнейших приверженцев английской партии.

Герцог Бедфорд, получив эти известия, снова покинул Париж, опасаясь, что король направится в Нормандию. Англичане хотели прежде всего удержать эту провинцию. Именно там бросили они якорь во Франции. Их сообщение с Англией было на этом пути быстрым и лёгким; кроме того, они всегда помышляли, что смогут её удержать, даже если им придётся договариваться с королём Франции. Регент двинулся со всеми своими силами к Санлису. Король был в Крепи. Он также приблизился к Санлису и стал лагерем у селения Барон, под горой Пилой. Центрайля и Антуана де Лоре послали на разведку; враг прибыл по дороге из Санлиса, переправился через реку Нонет, что течёт от Барона к Санлису, и начал окапываться. Герцог Бедфорд позаботился выбрать сильную позицию близ аббатства Виктуар, основанного некогда Филиппом Августом после битвы при Бувине. Фланги прикрывали изгороди и рвы; сзади были река и большой пруд. С фронта лучники врыли в землю свои заострённые колья и стояли сомкнутым строем. В этом английском лагере знамя Франции несли вместе со знаменем Англии; держал его сир де Л'Иль-Адам. Весь правый фланг составляли пикардийцы и бургундцы числом в семь или восемь сотен латников. Лучшие рыцари герцога Филиппа находились там. Сиры де Круа, де Креки, де Бетюн, де Фоссёз, де Савёз, де Ланнуа, де Лален, бастард де Сен-Поль и другие молодые сеньоры были посвящены в рыцари герцогом Бедфордом. Никто не сомневался, что вот-вот должно состояться какое-то большое сражение.

С французской стороны всё устраивалось с не меньшей осмотрительностью; авангардом командовали герцог Алансонский и граф Вандомский; главным корпусом — герцоги Барский и Лотарингский; маршалы Буссак и Рэ вели третий корпус, составлявший крыло армии. Сир де Гравиль, великий магистр арбалетчиков, и Жан Фуко, лимузенский рыцарь, предводительствовали лучниками.

Особу короля охраняли граф де Клермон, сир де Ла Тремуи и многие другие, составлявшие довольно многочисленный отряд латников. Наконец, ещё один отряд, с сиром д'Альбре, Орлеанским бастардом, Ла Гиром и Центрайлем, был назначен передвигаться с места на место и завязывать стычки с англичанами. Там же находилась и Дева; некоторые рассказывали, будто она была нерешительна и переменчива в речах: то говорила, что надобно сражаться, то — что не надобно [29].

Король, казалось, имел большое желание атаковать; сам он, с сиром де Ла Тремуи и графом де Клермон, не раз выезжал перед фронт своей армии, неподалёку от англичан, которые находились всего в двух выстрелах из арбалета от французов. Но неприятель был столь хорошо укреплён и на столь сильной позиции, что атаковать было бы весьма опасно. Король дал знать герцогу Бедфорду, что, ежели тот пожелает выйти из своего укрепленного лагеря, бой будет дан; но тот ничего не ответил. Тогда попытались выманить англичан в открытое поле. Многие отважные французы, кто пеший, кто конный, подходили к самым их укреплениям, вызывая на бой; некоторые и впрямь выходили, особенно из пикардийцев и французов английской партии; так завязывались жаркие стычки, в которых каждая сторона спешила на помощь своим, когда их оттесняли. Никогда ещё с обеих сторон не сражались с такой доблестью, ненавистью и жестокостью. Никому не давали пощады; ни одного человека, какого бы звания он ни был, не принимали за выкуп: всех предавали смерти без милосердия [30]. Сир де Ла Тремуи подвергся при этом великой опасности; то был один из самых блистательных рыцарей среди тех, что держали сторону короля. Он пожелал отличиться в тот день каким-либо ратным подвигом. Сидя на могучем коне, покрытый великолепными доспехами, он взял копьё наперевес, дал шпоры и ринулся в гущу схватки. На беду, конь его рухнул, и его с великим трудом вытащили из гущи врагов [31].

К вечеру, на закате солнца, бой стал жарче между французами и пикардийцами, вышедшими из своего лагеря. Жара стояла сильная; день угасал; едва можно было различить своих в клубах пыли. Французские лучники приблизились и стреляли сомкнутым строем по англичанам, которые отвечали тем же. Толпа сражающихся росла с каждым мгновением. Люди, опытные в войне, видя, как разгорается дело, не сомневались, что оно закончится полным истреблением одной из сторон. Однако, когда пала ночь, французы возвратились в свой лагерь под горой Пилой.

Герцог Бедфорд тотчас прошёл вдоль строя пикардийцев и останавливался то там, то здесь, чтобы поблагодарить их за доблесть: «Друзья мои, — говорил он, — вы храбрые люди; вы вынесли за нас всю тяжесть битвы; мы вас благодарим великою благодарностью и просим вас, если нам предстоят ещё дела, держать себя с той же отвагой». Бастард Сен-Поль и сир Жан де Круа отличились перед всеми. Последний получил рану в ногу [32].

Король, убедившись таким образом, что враги ни за что не желают выходить из своих укреплений, вернулся в Крепи и взял путь на Компьень, который только что отворил ему ворота. Герцог Бедфорд возвратился в Париж; но, несмотря на тревогу за этот город, он пробыл там недолго. Дела англичан с каждым днём шли всё хуже. Все города сдавались королю. Коннетабль продвигался в Мэне; он взял Галлеранд, Рамефор и Маликорн. Опасались, что он двинется на Эврё. Даже сама Нормандия уже не была столь надёжна для англичан. Отовсюду французы вновь обретали мужество, затевали предприятия и повсюду находили тайных сторонников. Так в их руки возвратились Омаль и Торси близ Дьеппа, Этрепаны близ Жизора, Бон-Мулен и Сен-Селёрен со стороны Алансона.

Но что должно было казаться английскому регенту более серьёзным, так это то, что герцог Бургундский вёл переговоры с королём; он принял его послов в Аррасе, и с первых дней августа в этом городе шли открытые переговоры. Настало, стало быть, время обеспечить за собой Нормандию и охранять самое драгоценное из английских завоеваний. Он послал к герцогу Бургундскому двух своих фламандских советников, епископа Турнейского и сира де Ланнуа, дабы напомнить ему о его клятвах и помешать заключить договор [33]; затем, оставив Париж в руках Людовика Люксембургского, епископа Тереуанского, канцлера Франции при англичанах, сира де Л'Иль-Адама и пикардийских капитанов, Симона Морье, парижского прево, имевшего там большую власть и командовавшего ополчением в день Селёдок, и сэра Томаса Рэтклифа, начальника англичан, приведённых кардиналом Винчестерским, герцог Бедфорд отправился в Руан держать Штаты Нормандии и давать им великие обещания, чтобы побудить их его не покидать.

Король был не менее заинтересован в примирении с герцогом Бургундским, чем англичане — в сохранении его дружбы. Таким образом, сила этого принца могла лишь возрастать от нужды, которую в нём имели обе стороны. Канцлер и послы Франции сначала были допущены пред его лицо, в присутствии его совета, рыцарей и главных слуг [34], и решились предложить следующие условия:

1-е. Король Карл признает сам или через своих уполномоченных, что событие, повлёкшее смерть герцога Жана, было дурным и проклятым; что смерть эта свершилась проклято и по дурному совету; что она огорчает его от всего сердца и что, ежели бы он тогда имел столько лет и разума, сколько ныне, он бы тому воспрепятствовал; но он был в то время весьма юн, мало что разумел и не сумел о том помыслить. Он будет просить государя Бургундского изъять из своего сердца злобу и ненависть, которые тот мог возыметь против него по сему поводу, и да будет меж ними добрый мир и любовь.

2-е. Король Карл оставит тех, кто совершил сие деяние или соизволил на него, и, ежели сможет схватить их, накажет; в противном случае навеки изгонит их, без помилования и возврата; и они будут исключены из всех договоров.

3-е. Король Карл основат в Монтеро часовню с двадцатью четырьмя картезианскими монахами за упокой души покойного герцога Жана и прочих, скончавшихся в время войн.

4-е. Будут возвращены драгоценности, которые герцог Жан имел при себе в час своей кончины.

5-е. Герцог Бургундский сохранит земли и сеньории, происходящие от короны, коими он владеет ныне; другие будут ему даны.

6-е. Долги по пенсиям, дарам или иным основаниям, кои покойный король имел перед герцогом Бургундским, будут выплачены.

7-е. Государь Бургундский и его подданные освобождаются от принесения какой-либо клятвы верности королю Карлу, и сказанный государь не будет иметь никаких обязательств перед ним.

8-е. Будут возвращены имущество и драгоценности тех, кто присутствовал при кончине герцога Жана.

9-е. Будет даровано общее прощение, и каждый получит обратно своё имущество, за исключением некоторых изъятий.

10-е. В обеспечение будут даны заложники и приняты наказания телесные и мирские, а равно и обязательства перед Церковью.

Герцог милостиво принял эти первые предложения, обещал на них ответить и назначил нескольких своих советников для обсуждения их с послами короля, а также с послами, присланными герцогом Савойским [35], которого каждая из сторон просила выступить посредником.

Они добавили, что для достижения общего мира и даже для обсуждения сего частного договора надлежит заключить перемирие и назначить подобающие время и место для переговоров.

В этот-то момент прибыли из Парижа епископ Турнейский и сир де Ланнуа, дабы представить герцогу Филиппу от имени английского регента его обязательства перед Англией. Из-за этого переговоры задержались, и герцог решил отправить посольство к королю Франции, чтобы лучше узнать его намерения. Однако все, и особенно люди низкого и среднего звания, радовались этому миру [36]. Послам короля Франции все оказывали почёт, и хотя не было ещё ни мира, ни перемирия, хотя дело происходило в городе, где герцог Бургундский был прямым государем, толпами приходили к канцлеру за королевскими грамотами о помиловании, королевскими указами и прочими бумагами, словно король вновь обрёл всю полноту власти. Рыцари и советники Бургундии открыто выказывали себя сторонниками мира; сердце у них было французское, и они никогда не склонялись к Англии, в отличие от фламандских советников; те всегда помышляли о торговле и богатстве своей провинции.

Жан Люксембургский, епископ Аррасский и сир де Бримё и де Шарни прибыли в Компьень вместе с послами Франции и Савойи [37]. Король велел представить себе статьи, которые его послы сочли нужным предложить. Они были рассмотрены в совете, где находились герцог Барский, граф де Клермон, господин де Вандом, господин д'Альбре, канцлер, епископы Сёзский и Кастрский, господин де Ла Тремуй, Орлеанский бастард, сеньоры де Трев, де Гокур, д'Аржантон, де Марёй, де Мортемар и декан парижского капитула.

Король и его совет сделали мало замечаний по этим статьям [38]; потребовали: 1-е, чтобы герцог Бургундский раз и навсегда назвал тех, кого он подозревает в убийстве его отца, дабы им дозволено было представить свои оправдания по закону и обычаю и дабы после сего названия никто не мог быть тревожим по сему предмету.

2-е. Были особо указаны сеньории, которые могли бы быть отделены от короны и присоединены к апанажу герцога; главными из них были графства Осер и Макон.

3-е. Оставили за собой право обсудить долги, требуемые герцогом.

4-е. Было формально разъяснено, что только он, а не его наследники и преемники, будет освобождён от клятвы верности ныне здравствующему королю, но не перед наследниками и преемниками короля.

5-е. Не пожелали никаких изъятий из общего возвращения каждому его имущества, без возмещения убытков.

6-е. Король решительно отказался давать заложников в обеспечение договора.

Наконец, поскольку герцог желал, чтобы англичане были допущены к переговорам, король объявил, что согласен на это, при условии, что принцы, вот уже пятнадцать лет томящиеся в плену в Англии, будут освобождены или допущены к выкупу. Он также заранее обязался уступить всю Гиень до Дордони.

Таковы были условия, утверждённые в Компьене 27 августа для ведения переговоров об окончательном мире. В ожидании этого 28 числа было заключено перемирие для земель на правом берегу Сены, от Ножана до Онфлёра. Париж был исключён, равно как и города, служащие переправой через реку. Король оставлял за собой право их атаковать, а герцог — их защищать. Перемирие должно было стать общим с англичанами, однако после их на то согласия.

Пока в Компьене шли переговоры, война продолжалась с прежним пылом. Ла Гир с несколькими отважными товарищами дошёл до семи лье от Руана, к крепости Шато-Гайяр, переправился через Сену в ночи и пошёл на приступ. Английский комендант, по имени Кингстон, застигнутый врасплох, добился сохранения жизни и поспешил уйти [39]. В замке нашли доблестного сира де Барбазана, который все девять лет, что прошли с его пленения в Мелёне, жил в заключении. Он был заперт в тесной железной клетке. Прутья взломали; но рыцарь не пожелал выходить. Он обещал Кингстону быть его честным пленником, и нужно было, чтобы его освободили от слова. Послали вдогонку за этим английским капитаном, который вернулся и отпустил сира де Барбазана. Король был весьма рад вновь увидеть этого прославленного и доблестного рыцаря, которого почти считали погибшим.

Едва англичане покинули Санлис, жители послали изъять покорность королю. Тогда он решил ещё приблизиться к Парижу, где герцога Бедфорда уже не было [40]. Было бы вернее найти в Пикардии города и крепости без защиты и жителей, всецело расположенных к королю [41]; но это значило бы сильно приблизиться к границам герцога Бургундского, который мог двинуть в поле своих латников; эта причина, а равно и надежда достигнуть мира, побудили совет заключить перемирие. К тому же переговоры продолжались, и послы Савойи и Бургундии следовали за королём. Итак, он направился в Санлис. Уже 25 августа его авангард взял Сен-Дени, который не оборонялся и чьи главные жители отступили в Париж [42]; сам же король прибыл туда 29 августа. Вся округа наперебой изъясляла покорность. Крей, Шантийи, Гурне-сюр-Аронд, Люзарш, Шуази, Ланьи принесли присягу. Сеньоры де Монморанси и де Муи дали клятву королю и поступили к нему на службу [43].

Была некоторая надежда войти в Париж. Город защищали немногие воины, и можно было полагать, что сторонники короля, зная, что он столь близко со всею своей силой, решительно заявят о себе. Тем не менее не весь совет держался мнения, что надобно попытать это предприятие [44]. Сир де Ла Тремуй не желал его; другие также полагали, что отношения, в коих находились с герцогом Бургундским, заверения, ежедневно даваемые мессиром Люксембургским о желании заключить мир, ещё лучшие речи сира де Шарни, давшего понять, что его господин вскоре передаст Париж в руки короля, посредничество герцога Савойского — всё это стоило большего, нежели ненадёжная атака, и что всё может рухнуть или сильно затянуться, ежели эта атака не удастся [45].

Но Дева была уверена, что войдёт в Париж, и слава её была тогда велика, как никогда [46]. Она отправилась с авангардом, которым командовали герцог Алансонский, маршалы де Рэ и де Буссак, сир д'Альбре, граф де Вандом и главные рыцари, и стала на постой у часовни

Сен-Дени. Вся королевская армия рассыпалась по окрестным селениям, перед воротами Сент-Оноре и Сен-Дени.

Рассчитывать следовало более на тайные связи, которые можно было завести в городе, чем на успех приступа. Герцог Алансонский написал парижскому прево, купеческому прево, эшевенам, называя каждого по имени, обращаясь к ним с речами мягкими и льстивыми, давая обещания [47]. Но они были мало тронуты этим; то были люди, преданные англичанам и бургундцам. Парламент, судейские всякого звания, квартальные старшины по большей части слишком провинились перед королём, чтобы довериться его милости; они слишком хорошо помнили, что предавали смерти его вернейших слуг во время избиения арманьяков [48]; поэтому ничто не было забыто для надёжной обороны. Барьеры были починены, рвы углублены; на стены нагромождены камни, клятвы были публично обновлены; судебные залогов, церковные деньги, кошельки главных горожан были употреблены на плату воинам. Чернь возбуждали против мессира Карла Валуа и арманьяков; ей внушали, что город Париж, буде его возьмут, будет срыт и что на его месте пройдёт плуг [49].

Поведение французских воинов только придавало веры этой лжи; они не получали жалованья, а победа сделала их дерзкими, так что они предавались множеству бесчинств; ничто не могло их удержать. Деву в этом не слушали. Гнев её был столь велик, что однажды, повстречав воинов, распутничавших с девкой дурного поведения, она принялась бить их плашмя мечом, да так сильно, что оружие переломилось. То был меч, найденный в церкви Фьербуа и одержавший столь славные победы. Это стало предметом огорчения для всех, и даже для короля. «Вам следовало, — сказал он Жанне, — взять добрую палку и бить ею, не подвергая опасности этот меч, который, как вы говорите, достался вам чудесным образом» [50]. Дева также весьма сожалела о том; она была очень привязана к этому мечу, ибо он происходил из церкви Святой Екатерины, которую она столь любила. Однако она гораздо больше, даже в сорок раз больше, предпочитала своё знамя, как говорила она. Ибо мечом она пользовалась мало [51]. Она не желала никого убивать и довольствовалась тем, что шла первой со своим знаменем, отстраняя тех, кто на неё нападал, копьём или небольшим топориком, который носила подвешенным к поясу.

Наконец, после восьми дней, проведённых в Сен-Дени, французы появились перед воротами Сент-Оноре и построились в боевой порядок на Свином рынке, под бугром Мулен, примерно в том месте, где ныне находится улица Траверсьер. Они привезли с собой многочисленную артиллерию, которую установили на бугре, и великое множество повозок, гружённых вязанками хвороста и фашинами, чтобы засыпать рвы [52].

Парижане были в это время у большой мессы; то был день Рождества Богородицы [53]. Внезапно разнёсся слух, что арманьяки атакуют город. Те, кто им потворствовал, кричали: «Враг вошёл, всё погибло». Но никакого мятежа не случилось; почти все жители тотчас возвратились по домам в страхе перед тем, что должно было произойти; другие отважно отправились защищать Париж и присоединились к англичанам, бургундцам и ополчению, которые выдвинулись к месту атаки. Французы видели, как вдоль стен движутся туда и сюда знамёна бургундских рыцарей и белое знамя с красным крестом.

Вскоре бой завязался врукопашную. Жанна и несколько рыцарей, среди прочих сир де Сен-Валье, отправились атаковать первую барьеру; они подожгли её и так вступили во внешнее укрепление. До стены оставалось ещё два рва. Дева хотела продолжать атаку; она видела, что первый ров перейти было нетрудно, но второй был глубок и полон воды. Некоторые из воинов могли бы ей об этом сказать; но, без сомнения, поскольку Жанна начинала им не нравиться и возбуждала их зависть, они дали ей идти [54].

Если бы все силы французов были употреблены на этот приступ, англичане тем временем могли бы выйти через ворота Сен-Дени и ударить на осаждающих. Поэтому герцог Алансонский, граф де Клермон, сир де Монморанси, только что посвящённый в рыцари, и большая

часть капитанов оставались в боевом порядке на склоне бугра Мулен, который укрывал их от артиллерии парижан.

Тем временем Жанна, маршал де Рэ и другие сеньоры в довольно большом числе легко перешли первый ров. Когда же достигли второго, то увидели, что он широк, глубок, полон воды и грязи; Дева шла, промеряя то там, то здесь своим копьём, где можно было бы рискнуть перейти. Она нимало не страшилась и велела подносить вязанки хвороста и фашины, чтобы попытаться его засыпать [55]. Ей повиновались доблестно, и французы, казалось, были готовы к этому опасному приступу. Не только пушки и кулеврины били в это место, но и стрелы лучников сыпались туда беспрестанно. Люди с обеих сторон, видя и слыша друг друга, осыпали один другого тысячью угроз и тысячью оскорблений. Жанна кричала им: «Сдайте город королю Франции», — и получала в ответ лишь грубую брань и непристойные слова. Ничто не могло её ни остановить, ни смутить. Но вскоре, раненная стрелой в ногу, увидев, как пал доблестный воин, нёсший её знамя, она была вынуждена лечь на землю на скате насыпи, разделявшей оба рва. Там она ещё распоряжалась атакой и не желала, чтобы отступали от приступа. Меж тем надвигалась ночь; не было никакой надежды перейти этот глубокий ров; незаметно было, чтобы среди жителей города вспыхнуло какое-либо движение. Пришёл приказ от господина де Ла Тремуя возвращаться к Сен-Дени [56]. Жанна не желала и слышать о том, чтобы уходить; все возвращались, а она ещё лежала у рва, не внимая никаким увещаниям; все уговоры были тщетны. Герцог Алансонский послал заклинать её позволить увести себя; наконец он сам пришёл за нею и сумел её убедить [57].

Отступление французов не было потревожено никакой вылазкой. Они подобрали своих убитых, коих было довольно много, заперли их в амбаре на ферме Матюренев и сожгли [58].

Поход короля к Парижу был теперь бесцелен; он нуждался в деньгах; он находился далеко от провинций, которые могли бы их дать и доставить припасы [59]. Регент должен был вернуться с большими силами. Воины уже не чувствовали ни прежней надежды, ни прежнего мужества. В совете царил раздор; одни напоминали, что не желали этой атаки на Париж, другие — что, если бы её предприняли с большими силами и продолжали с большим упорством, в Париже объявилась бы партия в пользу короля. Многие роптали на Деву, которая-де обещала им в ту же ночь ночевать в Париже [60]. Наконец, в общей досаде решено было возвращаться к Луаре. Жанна, без сомнения, с намерением оставить военную службу, повесила свои белые доспехи на гробнице святого Дионисия вместе с мечом, взятым ею у англичанина при штурме Парижа. Но её так хорошо утешали; так хвалили её добрую волю и доблесть; столько твердили ей, что если бы сделали всё, что она говорила, дело увенчалось бы успехом, — что она согласилась следовать за королём. Впоследствии она уверяла, что предприятие на Париж было совершено вопреки совету её голосов и что она была не права, не послушавшись их.

Король оставил сильные гарнизоны и доблестных капитанов в завоёванных им крепостях. Гийом де Флави стал капитаном Компьеня; Амбруаз де Лоре — в Ланьи; Жак де Шабанн — в Крейе; граф де Вандом — в Сен-Дени и Санлисе. Канцлер и граф де Клермон должны были держаться в Бове, дабы продолжать переговоры с бургундскими послами. Затем король, избрав путь через Ланьи, Провен, Брэ и Санс, вернулся в Жьен и в провинции Луары.

Едва французы удалились, как герцог Бедфорд вступил в Париж; вскоре и герцог Бургундский отправился в путь, чтобы также прибыть туда и отвезти обратно свою сестру, которая провела с ним два месяца. Он известил короля Франции, что совершит эту поездку и что употребит старания для переговоров о мире, для чего и получил охранную грамоту [61]. Кроме того, капитаны Компьеня и Пон-Сент-Максенса имели приказ передать ему эти города, дабы обеспечить переправу через реки Эн и Уазу. Но Гийом де Флави, послушавшись полученного приказания, отказался впустить его в свой город [62].

Герцог путешествовал с большой пышностью, сопровождаемый тремя или четырьмя тысячами бойцов. Его сестра, герцогиня Бедфорд, ехала рядом с ним в сопровождении своих

дам, восседавших, как и она, на прекрасных иноходцах. Когда этот благородный кортеж проезжал мимо города Санлис, французы высыпали толпой, чтобы увидеть герцога. Канцлер Франции вышел приветствовать его, а вскоре прибыл и граф де Клермон в сопровождении примерно шестидесяти рыцарей. Оба зятя сняли шапероны, учтиво приветствовали друг друга; но не обнялись, и вид их не выказывал ни радости, ни дружбы. Затем граф де Клермон обернулся к своей сестре, госпоже Бедфорд, и обнял её. Встреча более не продлилась, и герцог показал выражением лица, что не желает вступать в переговоры ни с зятем, ни с канцлером. Он продолжил путь в Париж. Его въезд был торжествен. Герцог Бедфорд, члены совета, прево и эшеваны вышли ему навстречу. Регент нежно обнял его; каждый воздавал ему почести. Народ кричал «Ноэль», и никогда ещё не выказывал ему столько любви. Предшествуемый герольдами и трубачами, он проследовал по улицам Сен-Мартен и Мобюэ, дабы возблагодарить Бога в церкви Сент-Авуа. Оттуда он проводил свою сестру в особняк Сен-Поль, где жил регент [63].

Тогда начались большие советы, на которых, видя общее желание парижан и то, сколь мало они дружелюбны англичанам, герцог Бедфорд, к великому своему сожалению, по прямому требованию Университета, Парламента и горожан согласился передать регентство герцогу Бургундскому и удовольствоваться управлением Нормандией.

Герцог Филипп заставил себя долго упрашивать и зятю, и кардиналу Винчестерскому, и парижанам. Дальнейшее показало вскоре, что англичане поступали мудро, последовав наконец совету своего короля Генриха V, и не жалели ничего, чтобы сохранить дружбу герцога Бургундского. Однако он ещё не порывал открыто начатых с Францией переговоров. Канцлер и советники короля прибыли по охранной грамоте из Санлиса в Сен-Дени. Сиры Люксембургский и де Ланнуа явились туда же со своей стороны. Вследствие этих переговоров перемирие, заключённое в Компьене, которое 28 сентября было распространено на город Париж и мосты Сен-Клу и Шарантон, было торжественно обнародовано в Париже одновременно с регентством герцога Бургундского. Два дня спустя он написал герцогу Савойскому, снова выказывая своё желание заключить мир и надежду, что его зять герцог Бедфорд даст на то согласие [64]. Он указывал местом переговоров город Осер и просил герцога Савойского прибыть туда лично, дабы послужить посредником совместно с сиром Люксембургским, кардиналами, коих папа умолял туда послать, и послами императора. Посланцы герцога Савойского отправились отсюда к королю в Иссуден, и он написал в том же смысле их господину.

Но всем этим мирным заверениям более не верили. Каждая сторона готовилась возобновить войну с большей силой. Перемирие должно было истечь к Рождеству; пока же его никто не соблюдал. Капитаны французских гарнизонов ни в чём не повиновались графу де Клермон, которого король оставил своим наместником в землях на правом берегу Сены. Каждый по своей воле затевал предприятия против врага; англичане и бургундцы также силились отбить потерянные ими крепости [65]. Так весь край стал несчастнее, чем когда-либо. Опустошения простирались до ворот Парижа; там вновь началась нужда, а пять или шесть тысяч пикардийцев, приведённых герцогом Бургундским, лишь усугубляли беспорядок. Для соблюдения перемирия их не употребляли против французов, но они грабили своих хозяев в Париже и в деревнях, где стояли на постое. Вот и всё, что парижане получили от этого герцога Бургундского, которого они так хорошо принимали. Спустя пятнадцать дней, после того как герцог Бедфорд отбыл в Руан с англичанами, герцог также уехал почти со всеми своими людьми, оставив город без защиты; только чтобы унять ропот, он принародно наказал, что если арманьяки вернутся, то надлежит хорошо обороняться, и вверил управление Парижем маршалу де Л'Иль-Адаму.

Он и в самом деле спешил возвратиться во Фландрию [66]. Уже довольно давно он вёл переговоры о своём браке с госпожой Изабеллой, дочерью короля Португалии Жуана I и госпожи Филиппы Ланкастерской. Сиры де Рубе, де Тулонжон, де Нуайель и другие бургундские сеньоры [67] отправились за ней; она села на корабль с одним из инфантов, своих братьев, чтобы прибыть морем во Фландрию. Она уже была в виду порта Слэйс, на берегу собирался

народ праздновать её прибытие, как вдруг яростная буря отбросила её в море. Несколько дней не знали, что с нею случилось, и опасались, не погибла ли она при кораблекрушении. Это-то беспокойство и владело герцогом Филиппом, когда он столь поспешно покинул Париж. Вскоре он узнал, что судно, долго носимое по морю, было наконец выброшено на берег Англии [68]; принцесса была хорошо принята правителями этого королевства, которые даже ссудили ей сто ливров на расходы. По прибытии во Фландрию её встретили с великолепием, дотоле невиданным и превосходившим пышность, уже столь прославленную, Бургундского дома. Свадьбу отпраздновали в Брюгге 10 января 1430 года. Герцог велел построить совершенно новые залы, чтобы расширить свой дворец. Улицы были завешаны теми прекрасными фландрскими коврами, равных коим нигде не ткали. Герцогиня Бедфорд, герцогиня Клевская прибыли воздать честь бракосочетанию своего брата. Графиня Намюрская, графиня Лотарингская, госпожа Люксембургская и другие благородные дамы также составляли кортеж новой герцогини. Знатные сеньоры и могущественные дворяне толпились на этих церемониях. Наряду с ними богатые горожане Брюгге, торговавшие по всему миру, соперничали в роскоши и расходах. Празднества длились целых восемь дней без перерыва; не только дворец, но и весь город днём и ночью предавались пирам, пляскам, конным ристаниям и всякого рода играм. Ничто не казалось великолепнее трёх фонтанов, поставленных перед дворцом. Один представлял собою каменного льва и беспрестанно изливал рейнское вино; другой — оленя, из которого текло бонское вино; третий же был единорог, который в часы трапез бил струёй розовой воды для омовения рук, а затем попеременно мальвазией, вином из Романа, мускатным вином и гипокрасом. Оттого по всему городу только и видно было, что простолюдинов, пьяных, колотивших друг друга или валявшихся там и сям на улицах, меж тем как во дворце те, кто был приближен к герцогу, предавались более благородным увеселениям [69]. Для своей супруги он учредил придворный штат куда более пышный и состоявший из гораздо большего числа слуг, нежели у любой королевы христианского мира [70].

Так он придал этому третьему браку совсем иной блеск, нежели двум первым, то ли потому, что чувствовал себя тогда более осыпанным славой и преуспеванием, то ли желая выказать больше галантности по отношению к новой супруге. Именно по этому случаю и ради неё, как говорят, он принял девиз: «Другой не будет», относя его, без сомнения, лишь к браку; ибо что до любовных утех, то в них он не отказывал себе и после не менее, чем прежде. В то самое время рассказывали, что он сильно любил одну даму из Брюгге; и в её честь, по народной молве, он учредил тот знаменитый орден Золотого Руна, — без сомнения, лучшее украшение празднества его свадьбы, которое и впоследствии всегда казалось ему одним из прекраснейших знаков его славы и могущества. Говорили, что он хотел отомстить за эту даму насмешкам некоторых придворных сеньоров и предложить им как предмет честолюбия и зависти воспоминание о том самом золочёном оттенке, над коим они нескромно глумились [71].

Что бы об этом ни рассказывали, герцог Филипп, учреждая в торжественном случае рыцарский орден, столь отвечавший его благородным склонностям и вкусу, который он всю свою жизнь выказывал к подобного рода церемониям и обязанностям, имел и, без сомнения, выдвигал более достойные побуждения. Вот как он изложил свою мысль, когда год спустя окончательно утвердил устав своего ордена Золотого Руна, чьи первые двадцать четыре рыцаря явились во всём своём блеске на свадьбе.

«Всем, кто ныне есть и впредь будет, даём знать, что по причине великой и совершенной любви, кою мы питаем к благородному состоянию и ордену рыцарства, чью честь мы по нашему горячему и особому расположению желаем ещё умножить, дабы посредством его истинная католическая вера, состояние святой нашей матери Церкви, спокойствие и благоденствие дела общественного были, насколько то возможно, защищаемы, охраняемы и сохраняемы; мы, во славу и хвалу всемогущего Творца и нашего Искупителя, в почитание преславной Девы, Его Матери, в честь господина святого Андрея, преславного апостола и мученика, для возвышения

веры и святой Церкви, для побуждения к добродетелям и добрым нравам, 10 января 1429 года, в день торжества брака, отпразднованного в Брюгге между нами и нашей дражайшей и возлюбленной супругой Елизаветой, учредили, создали и постановили, как настоящим учреждаем, создаём и постановляем орден и братство рыцарства и дружеского союза из некоторого числа рыцарей, коих мы пожелали именовать названием Золотого Руна, добытого Ясоном, и на нижеследующих условиях [72]».

Орден должен был состоять из тридцати одного рыцаря, дворян по имени и оружию и безупречных. Их верховным главой должен был быть герцог Филипп пожизненно, а после него — его преемники, герцоги Бургундские.

Рыцари должны были оставить всякий иной орден, за исключением государей, кои могли сохранять орден, в коем сами были главами.

Ожерелье с руном давалось герцогом и должно было быть отослано ему после кончины рыцаря. Оно состояло из огнив, именовавшихся тогда кресалами, высекавших искры из камней. То был с давних пор девиз герцога; он означал, как говорили, что удар воспламеняет. Большой орденский плащ был алый, ниспадавший до земли, с подбоем из беличьего меха; шаперон того же цвета.

Девяносто четыре статьи сего уложения содержали обязанности, возложенные на рыцарей, и все относились к верности святой Церкви, к неповреждённости католической веры, к преданности государю, к дружбе и братству между рыцарями ордена, к чести в оружии, к раскрытию всего, что было бы противно или оскорбительно для государя или членов ордена. Церемонии, приёмы, клятвы, судопроизводство против провинившихся рыцарей также были предписаны в мельчайших подробностях. Наконец, герцог указал, какие статьи сего прострannого уложения могут быть впоследствии разъяснены и изменены капитулом ордена, а какие должны оставаться непреложными. То был, несомненно, прекраснейший кодекс рыцарской чести и добродетели, а также средство привязать и делать всё более покорным герцогу Бургундскому всё то высшее дворянство, которое его окружало и служило ему.

После празднеств в Брюгге герцог отправился в Гент и в главные города Фландрии, чтобы показать подданным их новую государыню. Ей повсюду оказывали радушный приём и подносили богатые дары. В это самое время вспыхнул мятеж в Граммоне. Ремесленники взбунтовались против городских властей, которые хотели обложить их податью; но герцог, чувствовавший свою силу, был суров к бунтовщикам и таковым оставался всегда. Его бальи, сир д'Альвен, велел отрубить головы зачинщикам мятежа, а прочие были изгнаны [73].

В феврале, продолжая показываться в своих добрых городах, герцог и герцогиня оказались в Аррасе; там они объявили большой турнир; пятеро из самых прославленных французских рыцарей, которые вели войну по соседству и за несколько дней до того выдержали весьма жаркий бой против гарнизона Клермона в Бовези, явились вызвать пятерых бургундских рыцарей; то были Сентрайль, Вальперга, д'Абреси, Дюбье и де Нюльи [74]. Их противниками стали сир де Бофремон, сеньор де Шарни, сир де Лален, Жан де Вольдре, Никола и Филибер де Мanton. Поединок длился пять дней. Он был блистателен; герцог и герцогиня восседали на помосте, окружённые всем своим рыцарством. Жан Люксембургский подавал копьё бургундским бойцам, а Алар де Муи — французским. Сир де Бофремон тяжело ранил сира д'Абреси, а сир де Нюльи также был сильно задет Филибером де Мantonом; Вальперга после сурового и долгого боя с сиром де Лаленом был сбит с коня. Герцог велел оказать большой уход раненым и принял самым учтивым образом их товарищей. Затем с обеих сторон вновь начали готовиться к войне более жестокой, чем когда-либо.

Перемирие, как мы видели, не соблюдалось. Французские, бургундские, английские гарнизоны, никому не повинаясь, только и делали, что рыскали и грабили страну [75]. Граф де Клермон, оставленный королём в качестве наместника, видя, что никто не желает ему повиноваться, удалился, передав командование графу де Вандому. Край, начинавший было отдыхать,

когда в нём господствовала одна партия, никогда не был несчастнее. Жители возвращались к разбойничьим привычкам; даже парижане, бросив жён и детей, уходили шайками грабить на большие дороги близ города, а многие богатые горожане, ища какой-нибудь безопасности, укрывались во владениях герцога Бургундского [76].

По ту сторону Луары перемирие соблюдалось не лучше. Герцог Алансонский хотел отправиться с Девой в Нормандию, чтобы отвоевать свой апанаж; но сир де Ла Тремуай воспротивился этому. Тогда герцог Алансонский послал туда своих людей и призвал доблестного Амбруаза де Лоре, капитана крепости Ланьи, быть маршалом в этом предприятии. Тем временем королевский совет вернулся к намерению овладеть всем течением Луары. Перрине Грассе, тот бургундский искатель приключений, который не признавал иного начальника, кроме герцога Филиппа, да и то, казалось, более на словах, чем на деле, и который с таким высокомерием обращался с маршалом Бургундии и всеми знатными сеньорами герцогства, всё ещё удерживал Ла-Шарите и крепости того края [77]. Ему предложили объявить себя за короля, но он и слышать о том не желал. Тогда собрали в Бурже некоторое число латников. Сир д'Альбре стал их начальником и отправился с Девой брать приступом Сен-Пьер-ле-Мутье.

То был снова один из прекраснейших подвигов Жанны. Французов было немного; самые прославленные их капитаны были заняты в других предприятиях или находились в различных гарнизонах. Осада длилась несколько дней; осаждённые хорошо оборонялись. Уже несколько атак было отбито. Однажды, когда отброшенные французы в беспорядке отступали и лучшие воины уже помышляли снять осаду, Жанна, оставшись почти одна, не пожелала уходить от укрепления [78]. Сир д'Аньон, её оруженосец, подбежал, чтобы увести её: «Вы одна», — сказал он. «Нет, — ответила она, снимая шлем, — со мною пятьдесят тысяч человек, и нужно взять город». Она показалась ему безумной; но, не слушая его речей, Дева принялась созывать всех своих людей, крича им, чтобы несли плетни и фашины. Её голос оживил их; они повиновались её приказам. Она беспрестанно их торопила. В одно мгновение ров был засыпан, приступ возобновлён, город взят. Никогда Дева не совершала ничего, что казалось бы более чудесным и более божественным.

В то время к королю пришла ещё одна святая женщина, которая также называла себя пророчицей [79]. Её звали Катерина, она была родом из Ла-Рошели и тоже обещала королю великие дела. Она не ходила на войну, но её делом было проповедовать во имя неба, чтобы королю несли деньги, и она говорила, что сумеет узнать тех, кто прячет свои сокровища. У неё тоже бывали видения, и часто, по её словам, ей являлась белая дама, одетая в золото. Жанна, несмотря на то что была великая нужда в деньгах для уплаты воинам, не желала верить речам Катерины. Она попросила увидеть белую даму. Катерина уложила её с собой, чтобы та стала свидетельницей видения, которое всегда приходило ночью. Дева долго бодрствовала, не видя, чтобы что-то являлось; но когда она заснула, Катерина уверяла, что именно тогда дама и приходила. Назавтра Жанна спала днём, чтобы быть в силах бодрствовать всю ночь. И вправду, она не сомкнула глаз и всё спрашивала Катерину: «Придёт ли она? — Да, скоро», — говорила та; но ничего не появилось.

Однако Жанна могла показать свои видения не лучше, чем Катерина, и говорила тем, кто с ней о том беседовал, что они недостаточно достойны и добродетельны, чтобы видеть то, что видит она. Стало быть, ей неразумно было считать доказательством против этой женщины из Ла-Рошели то, что та не может передать свои видения другим. Тогда она решила поговорить об этом, как сама рассказывала, со святой Екатериной и святой Маргаритой, и те ей сказали, что в женщине из Ла-Рошели одни лишь безумство и ложь. Потому она и хотела отослать её обратно к домашнему хозяйству кормить детей и говорила королю, что её не следует слушать. Таково, по-видимому, было всеобщее мнение. Брат Ришар, однако, был к ней благосклонен, и оба они были против Жанны [80].

После взятия Сен-Пьер-ле-Мутье пошли осаждать Ла-Шарите. Маршал де Буссак и сир д'Альбре были там с Жанной. Катерина советовала туда не ходить, потому что было слишком холодно. Стояла середина зимы. Город был удивительно хорошо укреплен. Перрине Грассе был умелым и отважным капитаном. Французов было не очень много. Они простояли месяц перед стенами, нисколько не продвинувшись вперед. Предприняли несколько кровопролитных приступов и всё без успеха. Наконец, ложная тревога, устроенная Перрине Грассе, обратила французов в бегство, и они отступили, бросив свои пушки. Жанна потом уверяла, что её мнением было не затевать этого предприятия.

Тогда, собрав большее число бойцов, королевский совет возвратился к замыслу перенести войну в окрестности Парижа, на Сену [81]. Дела короля в той стороне шли лучше. Французские гарнизоны почти все успешно держались и оборонялись. Жители Мелёна избавились от англичан и призвали к себе командора де Жирем. Сен-Дени был захвачен врасплох. Ла Гир взял Лувье и рыскал до самых ворот Руана. Сам этот город едва не перешёл снова в руки французов через заговор нескольких горожан. Кроме того, Париж с каждым днём наполнялся недовольными. Покинутые герцогом Бургундским и регентом, изголодавшиеся из-за шаек, опустошавших край, видя себя без защиты, беспрестанно узнавая, что арманьякам повсюду везёт больше, парижане всё сильнее ненавидели войну и англичан. Сложился обширный заговор, чтобы впустить в город королевских латников [82]. Один писарь из Счётной палаты, двое стряпчих из Шатле, богатые горожане, монах-кармелит, который и вёл всё дело, и ещё около ста пятидесяти человек были раскрыты. Одних четвертовали или обезглавили; других бросили в реку; некоторые умерли под пыткой; самые богатые откупились; многие бежали. Так замысел провалился. Но мог сложиться другой, подобный ему. Король послал поэтому все свои силы к Парижу; Дева также туда отправилась; она держалась мнения [83], что мир можно обрести лишь на конце копья, тогда как Катерина говорила напротив, что нужно договариваться с герцогом Бургундским и что, если пожелают, она отправится убеждать этого принца.

Едва Жанна и приведённые ею подкрепления прибыли, как всё для французов начало складываться ещё удачнее. Английский гарнизон Корбея и люди, пришедшие из Парижа, были отбиты под Мелёном, который они хотели отвоевать. Сен-Мор близ Венсена был захвачен врасплох. В Париже вспыхнул новый заговор среди пленников, сидевших в Бастилии; они уже готовы были перерезать капитана и отворить Сент-Антуанские ворота, когда сир де Л'Иль-Адам поспешно подоспел; собственноручно разя своей секирой тех, кто только что перебил стражу ворот, он пресёк успех замысла и велел утопить всех этих несчастных пленников [84].

Около того же времени один из самых отважных начальников бургундских шаек, по имени Франке Аррасский, разъезжал по краю с тремя сотнями англичан или бургундцев и творил тысячи жестокостей. Жанна отправилась на него в нападение; у него были хорошие лучники, и он сильно укрепился; все его люди спешили; дважды Жанна и французы были отброшены, хотя атака их была дерзкой и мощной; наконец, гарнизон Ланьи, под началом доблестного сира де Фуко, подошёл с артиллерией. Франке, упорно оборонявшись, был выбит из-за своего укрепления [85]. Почти все его люди были истреблены мечом, а сам он попал в плен. Дева хотела оставить его для обмена на одного храброго парижанина, хозяина известной гостиницы под вывеской «Медведь», которого держали в тюрьме за некое дело в пользу короля [86]. Бальи Санлиса и судьи Ланьи требовали, напротив, чтобы Франке был им выдан, дабы наказать его за разбои. Жанна, узнав, что гостинщик умер, сказала: «В таком случае делайте с этим, чего пожелает правосудие». Над ним был учинён суд, и его обезглавили. Смерть этого прославленного военачальника, которого герцог Бургундский и англичане весьма любили и чья великая доблесть сделала его дорогим для всех воинов, привела врагов в чрезвычайный гнев. Уверяли, будто Жанна нарушила данное слово и попала все законы войны [87]. Это умножило молву о жестокости, которую она имела среди противников короля. Они даже распространяли слух, что она убила Франке собственной рукой. Никогда ещё она не внушала такого ужаса

англичанам, а следовательно, такой ненависти их начальникам. Лучники и воины, коих набирали в Англии, бежали и прятались, лишь бы не ехать во Францию сражаться против Девы, и пришлось издавать строгие указы против капитанов и солдат, которые медлили с отъездом или отказывались от него, напуганные её колдовством [88].

Чтобы оживить мужество англичан, находившихся во Франции, и поддержать надежду парижан, совет Англии решил послать юного короля Генриха VI, коему тогда было девять лет, короноваться королём Франции в Сен-Дени. Об этой новости много шумели в Париже; заранее назначили празднества; объявили, что он прибудет с большим числом воинов; говорили также, чтобы расположить к себе народ, будто герцог Бургундский собирает сильную армию.

Казалось и впрямь, что всякий замысел заключить мир был теперь весьма далёк. Герцог, которому английский регент обещал Шампань и Бри и дал огромные денежные суммы, готовился предпринять новые усилия, чтобы сокрушить короля Франции [89]. Уже он послал нескольких своих советников в Амьен и в города Пикардии, дабы помешать им перейти на другую сторону, к чему они, по-видимому, сильно склонялись. Он обещал им своё могущественное покровительство и даже подавал надежду, что сможет добиться для них отмены податей и габели [90]. Своими добрыми речами он сумел расположить их к себе и ещё раз собрал людей этой провинции, имевших обыкновение носить оружие.

В то же время Луи Шалонский, принц Оранский, собирал другую армию из бургундцев и савойяров, чтобы идти завоёвывать Дофине, который, как полагали, должен был быть поделён между ним и герцогом Савойским согласно новым союзам герцога Филиппа и английского регента [91].

После Пасхи 1430 года герцог и Жан Люксембургский, который всё ещё оставался его главным полководцем в северных землях, приступили к осаде Гурне-сюр-Аронд, крепости, принадлежавшей графу де Клермону. Капитан обещал сдать её, если не получит помощи до августа, а до тех пор не совершать никаких военных действий [92]. Оттуда сир Люксембургский, двинувшись к Бове, заставил сира Луи де Гокура запереться в нём и избавил край от шайки английских разбойников, которые завладели замком Провенльё и опустошали всю округу, не разбирая ни друзей, ни врагов. Почти все они были истреблены. Затем герцог Бургундский пошёл осаждать Шуази-на-Уазе [93]. Дева, граф де Вандом и многие другие сеньоры выступили с берегов Марны, чтобы идти на выручку этой крепости. Нужно было переправиться через реку Эну. Они появились перед Суассоном. Граф де Клермон оставил там капитаном одного пикардийского оруженосца по имени Гишар Журнель. Этот человек уже вёл переговоры с герцогом Бургундским; он закрыл ворота перед французами, внушил жителям, что многочисленный гарнизон, размещённый в городе, вскоре обречёт их на голод, а перед графом де Вандомом извинился, ссылаясь на волю народа. Французский отряд был многочислен; там находилось несколько знатных сеньоров с немалой свитой. Видя, что путь несвободен, что в крае не хватает продовольствия, они вернулись туда, откуда пришли; Дева же с несколькими отважными рыцарями отправилась в Компьень, но пробыла там недолго.

Герцог Бургундский, дабы продовольствие, подвозившееся к его лагерю под Шуази через Мондидье и Нуайон, не было перехвачено французским гарнизоном Компьеня, поставил в Пон-л'Эвеке и в предместьях Нуайона стражу из англичан и бургундцев. Однажды утром на рассвете Дева, Сентрайль, Вальперга, сир де Шабанн и другие, числом около двух тысяч, яростно обрушились на англичан в Пон-л'Эвеке, начальником коих был сэр Джон Монтгомери. Он уже был вынужден отступать, когда сиры де Бримё и де Савёз поспешно подоспели из Нуайона со своими бургундцами и спасли англичан. Несколько дней спустя сир де Бримё был захвачен врасплох Сентрайлем на пути к Шуази и принуждён заплатить большой выкуп. Все эти предприятия не могли спасти Шуази, который герцог осаждал с грозной артиллерией [94].

Затем он пришёл осаждать Компьень; то был главный город, которым французы владели в той стороне. Сир Гийом де Флави, поставленный там королём капитаном и удержавший его

затем вопреки королевским приказам, был доблестным воином, но, быть может, самым суровым и жестоким из всех, какие только знали в то время. Не проходило дня, чтобы он не совершал преступлений. Он предавал смерти всякого рода людей, без суда и милосердия, самыми ужасными пытками [95].

Этот грозный капитан сделал величайшие приготовления к надёжной обороне. Город был в достатке снабжён продовольствием и припасами. Стены были крепки и починены заново; гарнизон многочислен; артиллерия в добром состоянии. Поэтому и герцог Бургундский собрал все свои силы для столь трудной осады. Он велел обложить город почти со всех сторон: сир Люксембургский, сир Бодуэн де Вуайель, сэр Джон Монтгомери и сам герцог командовали каждый на главных постах [96].

Дева, едва узнав, что Компьень так стеснён, выступила из Крепи, чтобы запереться с гарнизоном. В самый день своего прибытия она предприняла вылазку через ворота моста на другом берегу реки Эны. Она враспloch обрушилась на расположение сира де Нуайеля в тот миг, когда Жан Люксембургский и несколько его всадников прибыли туда, чтобы осмотреть город поближе. Первый натиск был суров; бургундцы почти все были без доспехов. Сир Люксембургский держался как мог, ожидая, пока ему подведут подмогу из его соседнего стана и из стана англичан. Вскоре боевой клич разнёсся среди всех осаждающих, и они стали сходиться толпами. Французы были не в том числе, чтобы сопротивляться; они начали отступать [97]. Дева выказала более доблести, чем когда-либо; дважды она вновь вела своих людей на врага; наконец, видя, что надобно возвращаться в город, она стала в арьергарде, чтобы прикрывать их движение и удерживать в добром порядке против бургундцев, которые, уверенные теперь в надёжной поддержке, стремительно бросились в погоню. Они узнавали знамя Девы [98] и различали её по алой накидке, вышитой золотом и серебром; наконец, они пробивались к ней. Толпа теснилась на мосту. Из опасения, как бы враг не ворвался в город благодаря этому беспорядку, заставу не отворяли широко; Жанна оказалась окружена врагами. Она мужественно защищалась крепким мечом, взятым ею в Ланьи у одного бургундца [99]. Наконец, один пикардийский лучник, ухватив её бархатную накидку, стащил её с коня; она поднялась и, сражаясь уже пешей, добралась до рва, окружавшего внешнее укрепление перед мостом. Потон Бургундец, доблестный рыцарь королевской партии, и ещё несколько человек оставались с нею и защищали её с чудесами отваги. В конце концов ей пришлось сдаться Лионелю, бастарду Вандомскому, который оказался близ неё.

Её тотчас же отвели в стан сира Люксембургского, и когда весть разнеслась среди осаждающих, радость была беспримерная [100]. Можно было подумать, что они выиграли какое-то большое сражение или что вся Франция им принадлежит; ибо англичане ничего так не страшились, как этой бедной девушки. Каждый сбегался со всех сторон, чтобы её увидеть. Герцог Бургундский был не из последних; он пришёл в жилище, куда её привели, и говорил с нею, хотя никто не мог хорошо узнать, что он ей сказал. Тотчас же написали в Париж, в Англию и во все города бургундских владений, чтобы возвестить эту великую новость. «Te Deum» было пропето с большой торжественностью по приказу герцога Бедфорда [101].

Для французов это стало, напротив, предметом великой печали. К сожалениям, вызванным этой потерей, примешались прискорбные подозрения. В народе говорили, что рыцари и сеньоры, завидуя её великой славе, подготовили её гибель. Сир де Флави, и без того уже ненавистный, был обвиняем особенно; утверждали, будто он заранее продал её сирю Люксембургскому и велел закрыть за нею ворота, чтобы она осталась в руках врагов. Разнёсся слух, что голоса предсказали ей гибель и что в тот самый день, когда она ходила благоговейно причащаться в церковь Святого Иакова, она печально оперлась на один из столбов и сказала нескольким жителям и множеству детей, находившихся там: «Добрые друзья мои и милые дети, говорю вам с уверенностью, есть человек, который меня продал; я предана, и скоро буду отдана на смерть. Молитесь за меня Богу, умоляю вас; ибо я больше не смогу служить ни моему королю,

ни благородному королевству Франции» [102]. Однако она никогда ни на кого не жаловалась, ограничиваясь лишь тем, что с некоторых пор ей было возвещено, будто она попадёт до Ивана дня во власть врагов. Об этом предсказании она никому никогда не говорила. Напротив, воины рассказывали, что она ободряла их идти на вылазку и обещала им победу над бургундцами [103]. Таким образом, слухи, распространившиеся насчёт измены сира де Флави, доказывали лишь ненависть, которую к нему питали, и действительно, он защищал Компьень столь доблестно, что по крайней мере не стоит верить, будто он имел сношения с врагами.

Не прошло и трёх дней с тех пор, как Дева была в плену, и уже можно было видеть, какую жажду мести возымели против неё англичане, их сторонники и слуги. Брат Мартен, магистр богословия и генеральный викарий инквизитора веры во Французском королевстве, написал герцогу Бургундскому [104]:

«Действуя по праву нашей должности и власти, вверенной нам святым Римским престолом, мы настоятельно требуем и предписываем, в пользу католической веры и под страхом законных кар, прислать и доставить пленницей к нам сказанную Жанну, сильно заподозренную во многих преступлениях, отзывающих ересь, дабы над нею, согласно праву, было учинено разбирательство пред нами старанием обвинителя святой инквизиции».

Со времён короля Людовика Святого во Франции и в самом деле существовала должность инквизиции, вверенная провинциалу доминиканцев, или братьев Проповедников, и блюстителю братьев Миноритов Парижа [105]. Они должны были сами или через своего викария в каждом диоцезе истребовать дела, начатые против еретиков, или преследовать их по собственному почину и, в случае нужды, призывать светскую власть против сказанных еретиков, если только обвиняемые не покорятся всецело Церкви. Но эти инквизиторы могли судить не иначе как в согласии с епископом диоцеза. Таким-то образом, как мы видели, велось дело против Жана Пти за его апологию убийства герцога Орлеанского.

Сир Люксембургский, которому бастард Вандомский продал свою пленницу, не остановился на требовании инквизитора; он отослал Деву в свой замок Бореуар в Пикардии, где, хотя её и стерегли сурово, дамы Люксембургского дома оказали ей ласковый и утешительный приём [106].

Вскоре Университет, то есть те из его докторов, что остались в Париже и служили англичанам, написали герцогу Бургундскому, настоятельно требуя, чтобы Жанна была передана инквизитору веры и епископу Бове, в чьём диоцезе она была взята. Герцог не ответил, и Университет послал новое письмо, упрекая его в том, что он не ответил и до сих пор ничем не распорядился касательно этой женщины. «Мы весьма опасаемся, — писали эти доктора, — как бы через обольщение и козни врага адового и через хитрости злых людей и ваших противников, которые, говорят, прилагают всё старание, чтобы её вызволить, она не была изъята из вашей власти каким-либо образом, какого Бог не попустил бы. Поистине, по суждению всякого доброго католика, никогда, на памяти людской, не случалось бы столь великого поругания святой веры, столь огромной опасности и ущерба для общего дела сего королевства, как если бы она избежала наказания столь гибельным путём и без подобающей кары». Они написали так же и сирю Люксембургскому.

Но так как и эти письма не произвели ещё никакого действия, то епископ Бове, который с той поры начал добиваться смерти Девы с усердием самого горячего слуги англичан, велел вручить герцогу Бургундскому в присутствии его рыцарей и в его бастилии под Компьенем заявительное письмо, доставленное апостолическими нотариусами. Подобное же предписание было сделано сирю Люксембургскому.

«Сколь ни не должна, — говорил он в своём письме, — сия женщина, именуемая Жанной Девой, рассматриваться как военнопленная, тем не менее, в вознаграждение тех, кто её взял и держит, король желает милостиво выдать им сумму до шести тысяч франков; а сказанному

бастарду, который её взял, дать и назначить ренту для поддержания его состояния до двухсот или трёхсот ливров».

Он прибавлял: «Наконец, если они или кто-либо из них не пожелают по вышеуказанным причинам удовлетворить требуемое, то хотя взятие этой женщины и не подобно взятию короля, принца или иных людей высокого звания, однако же, подобно тому как король, дофин или всякий иной принц могли бы, согласно праву, обычаю и обыкновению Франции, быть изъяты у взявшего их через уплату ему десяти тысяч франков, сказанный епископ требует от вышепоименованных, чтобы Дева была ему выдана под обеспечение суммы в десять тысяч франков».

Наконец, сир Люксембургский уступил столь настойчивым требованиям и передал Деву английскому правительству за десять тысяч франков. Герцог Бургундский только что возвратился в свои владения во Фландрии, оставив осаду Компьеня на попечение сиров де Бримё, де Ланнуа и де Савёза, а также графов Хантингдона и Арундела, которые привели туда значительное английское подкрепление. Сир Люксембургский был поставлен начальником всего этого войска.

Герцога отзывали побуждения величайшей важности. Жители Льежа, всегда надменные, предприимчивые и питавшие злую волю против герцогов Бургундских, которые причинили им столько зла и лишили их всех вольностей, только что принудили своего епископа послать вызывные грамоты герцогу Филиппу [107]. Их подстрекал сир де Ла Марк и некоторые сеньоры, коих король Франции привлёк на свою сторону. Поскольку льежцы и люди Намюрского графства беспрестанно совершали набеги на земли друг друга [108], поводов требовать возмездия никогда не было недостатка, и именно эту причину Жан де Эмбур, епископ Льежский, и выставил в своём вызывном письме. За ним тотчас последовало сильное вторжение в Намюрское графство, где льежцы начали всё предавать огню и мечу.

Герцог сперва не хотел оставлять осаду Компьеня; он удовольствовался тем, что послал сира де Круа с восемью сотнями бойцов запереться в Намюре и защищать город от этого множества льежских общинников, людей несведущих в войне, действовавших лишь беспорядочно и не умевших повиноваться никакому начальнику. И действительно, сир де Круа остановил их продвижение и часто заставлял их врасплох с большим успехом; но они были многочисленны и сильно возбуждены. Двое из главных рыцарей герцога, сир де Гистель и де Рюампре, погибли в битве с льежцами. Герцог хорошо видел, что дело серьёзно, что его придётся затягивать и вести переговоры [109].

Ещё более важное дело требовало присутствия герцога Филиппа. Его кузен Филипп, герцог Брабантский, второй и последний сын Антуана Брабантского, погибшего при Азенкуре, только что скончался 4 августа, пережив своего брата лишь на три года. Ему было всего двадцать шесть лет. Сначала полагали, что он был отравлен; подозреваемых заключили в тюрьму и пытали. Однако врачи, вскрыв его тело, не нашли никаких следов яда и заключили, что он умер истощённый усталостью и излишествами юности. И в самом деле, он всегда любил удовольствия, турниры, поединки и приключения [110]. За несколько лет до смерти он даже хотел совершить путешествие в Святую Землю и добрался до самого Рима. Он ещё не вступал в брак и лишь вёл переговоры с Рене Сицилийским, наследником Лотарингии, о женитьбе на его дочери Иоланде [111].

Поскольку герцогство Брабантское осталось без прямого наследника, три ветви могли заявить о себе, чтобы принять наследство: госпожа Маргарита Бургундская, графиня Геннегау, мать госпожи Якобины, дочь Филиппа Смелого и Маргариты Фландрской, через которую женское наследство Брабанта перешло в Бургундский дом; Карл и Жан Бургундские, сыновья и наследники графа Неверского, убитого при Азенкуре; и, в-третьих, герцог Филипп, старший из Бургундского дома.

Штаты герцогства Брабантского, и особенно дворянство, тотчас выказали расположение признать предпочтительно права герцога Филиппа, который лучше всякого иного наследника

мог бы покровительствовать и защищать жителей; однако у госпожи де Геннегау также были свои сторонники.

Герцог сперва держал большие советы в Лилле, где было решено, что он имеет наилучшее право и должен его поддержать. Он был самым сильным; на то была воля жителей Брабанта. Госпожа Маргарита уступила. О юных принцах Неверских, чьим опекуном был герцог, пока не упоминали вовсе. После двух месяцев переговоров, ведённых благоразумно, он отправился в Брабант, принял в Мехелене присягу штатов и сам поклялся соблюдать привилегии и обычаи Брабанта; он прибавил к своим многочисленным титулам титулы герцога Брабантского, Лимбургского и Лувенского, маркграфа Антверпенского и Священной Империи.

Что же касается владений, которые покойный герцог Брабантский держал от своей матери Жанны Люксембургской, то они возвратились в этот дом, и престарелая девица Люксембургская, обитавшая тогда в замке Бореуар, где она выказывала столь доброжелательное отношение к Деве, унаследовала графства Сен-Поль и Линьи; первое она отдала Пьеру Люксембургскому, графу де Конверсано и де Бриенну, старшему из её племянников; а графство Линьи — Жану Люксембургскому, который начал носить это имя [112].

Пока герцог Филипп так умножал свою власть в землях Фландрии, война для него во Франции не была счастливой. Уже в июне предприятие принца Оранского на Дофине позорно провалилось. Сир Рауль де Гокур, столь доблестно защищавший Орлеан, был только что избран управлять этой провинцией. Король не мог дать ему ни денег, ни воинов. Этот храбрый сеньор, не желая, однако, чтобы провинция была потеряна в его руках, воспрянул духом и решил обороняться против сильной армии, шедшей из Бургундии и Савойи. Он сговорился с сиром Эмбером де Гроле, бальи Лионне и маршалом Дофине, который уже несколько лет вёл весьма успешную войну против бургундцев. Они отправились в Веле искать одного испанского капитана по имени Родриго де Вильяндранда; тот находился там с отрядом людей всяких наций, коих вёл к королю Франции. Собрали также добровольцев в Лионе и в Маконне. У самых богатых людей тех краёв был сделан заём с тем, чтобы возместить им его через талью. Каждый был расположен сделать всё, что в его силах, и не дать ни завоевать, ни притеснить себя принцу Оранскому, который уже несколько лет вёл войну в провинции [113].

Поспешили начать до его прихода, и сир де Гокур сперва завладел крепостью Коломбье. Принц Оранский был удивлён, видя, что у них достало дерзости нападать, тогда как он полагал, что они и пытаться обороняться не посмеют. Он поспешил явиться и предложить битву. Принять её было для французов делом серьёзным. Их было меньше. Сир де Вильяндранда не мог быть уверен во всех чужеземцах, составлявших его отряд. Если битва будет проиграна, то с Лионне, с Дофине и даже с Лангедоком будет покончено. Король мог из-за этого дела потерять своё королевство. С другой стороны, принц готов был опустошить весь край; его силы должны были с каждым днём возрастать. Те же, кто пришёл сражаться под началом сира де Гокура и кого привёл сир де Гроле, имели великую волю воевать хорошо и доброе сознание правоты своего дела. Испанский капитан просил дать ему авангард, чтобы можно было лучше удостовериться, хорошо ли его люди себя поведут. «Окажите мне эту честь, — говорил он, — и, с Божьей помощью, я поведу себя так, что вы будете довольны». — «Вперёд, Бог нам поможет, — сказал сир де Гокур, — не будем изумляться; если их больше, чем нас, у нас есть правое и разумное дело защищаться от принца Оранского, который идёт на нас нападением вопреки своим клятвам. Если вы будете биться отважно, вы захватите большую добычу и станете богаты навек». Отслужили мессу; сир де Гроле бросился на колени и вслух сотворил молитву.

Меж тем принц Оранский невысоко ставил эту армию дофинцев, столь малую в сравнении с его собственной [114]. Он был ещё довольнее, когда увидел, что авангард составляют испанцы. Он не сомневался, что они обратятся в бегство при первом же столкновении; но вышло совсем иначе. Прежде чем бургундцы вышли из леса, который они проходили, и построились на равнине, сир де Вильяндранда и его отряд бросились на них столь стремительно, с

громкими криками, что поколебали их. Вскоре атака французов сделалась столь яростной, что враги были сломлены и обращены в полное бегство. Их погибло двести или триста человек, среди коих были весьма знатные дворяне. Принц Оранский бился храбро и был ранен. Чтобы не попасть в плен, он бросился верхом и в доспехах в Рону; конь его, несмотря на тяжесть доспехов, переплыл реку: что показалось весьма удивительным. Сир де Монтегю из дома Нёвшатель бежал одним из первых, и герцог Бургундский, разгневанный этим недостатком мужества, снял с него цепь Золотого Руна. Благодаря этой победе при Отоне весь юг королевства был избавлен от бургундцев.

На севере пленение Девы не сломило французов. Компьень оборонялся против всех атак сира Люксембургского; сколько бы ни было у него людей, он мог лишь окружать город и замыкать все подступы к нему бастилиями и бульварами; так что ни по дорогам, ни по реке Уазе ничего больше не поступало [115]. Осаждённые, доведённые до последней крайности голода, отправили молить маршала де Буссака, графа де Вандома и других королевских капитанов прийти им на выручку.

Собрав около четырёх тысяч бойцов, со множеством крестьян и работников, чтобы рубить леса, засыпать рвы, чинить дороги и так разрушать оборону, которой осаждающие окружили свои станы, французские капитаны в конце октября прибыли в Вербери.

Сир Люксембургский долго совещался о том, что ему делать. Если он двинется со всеми своими силами на врагов, то бастилии и бульвары останутся обнажёнными; гарнизон многочислен и отважен; он совершит тем временем вылазку и сможет разрушить все осадные работы или по крайней мере безопасно отступить. После многих советов, держанных между бургундскими и английскими начальниками, решено было ждать атак, охранять осадное кольцо и обороняться в нём.

Город стоит на левом берегу Уазы; мост был разрушен. Напротив находилась сильная бастилия под началом сира де Нуайеля. Выше по реке были ещё три, поменьше. Ниже города, всё на правом берегу, стояли англичане в аббатстве Венет; герцог Бургундский велел навести в этом месте мост. На другом берегу этого моста, на левой стороне, находился сир Люксембургский, устроившийся в аббатстве Руайальё, на дороге из Вербери. Наконец, у самого города, на пути, ведущем в Пьерфон через лес, стояла большая бастилия, где командовали сир де Бримё и де Креки.

Было условлено, что англичане перейдут реку и вместе с сиром Люксембургским построятся к бою впереди Руайальё, на верберийской дороге. При этом каждая бастилия, каждое становище должно было оставаться достаточно защищённым, а на угрожаемые места следовало посылать подмогу.

На другой день французы и вправду явились, чтобы предложить битву, и продвинулись почти на расстояние выстрела. Они были на конях; англичане и бургундцы, по своему обычаю, спешили. Многие дворяне были посвящены в рыцари сиром Люксембургским. Вся эта знать Пикардии и Артуа надеялась на бой и желала его; но вступать в него было бы неблагоприятно; надлежало быть готовым подать помощь бастилиям, если их атакуют. Со своей стороны, французы ничего более не предпринимали, кроме жарких стычек.

В это самое время два отряда шли через лес, направляясь к городу. Один, всего в сто человек, мог легко добраться до ворот незамеченным; он вёз продовольствие осаждённым и должен был приказать им тотчас сделать вылазку и напасть на большую бастилию, которую Сентрайль с тремястами бойцов собирался вскоре штурмовать, пройдя по дороге на Пьерфон; ибо обширный Компьенский лес, подступающий к самым воротам города, скрывал все передвижения французов.

Дело удалось так, как было решено. При первом известии осаждённые с удивительной жадной мести толпою пошли на приступ этой бастилии. Они принесли лестницы и всё, что нужно в подобных атаках. Сир де Бримё и де Креки со своими пикардийцами были немно-

гочисленны. Они оборонялись мужественно и живо отражали людей Компьеня; но те имели твёрдое желание уничтожить врагов, которые в течение шести месяцев причиняли им столько зла. Горожане, даже женщины, не глядя ни на какую опасность, устремлялись во рвы этой бастилии, чтобы её захватить. Гийом де Флави, сир де Гамаш, аббат Сен-Фарона, который так хорошо защищал город Мо, и другие были там, возбуждая и направляя этот храбрый народ. Во второй раз атака была отбита; но в это мгновение Сентрайль и его отряд вышли из леса, и приступ возобновился с ещё большей силой. Однако никакая помощь не прибывала к защитникам бастилии из Руайальё. У сира Люксембургского едва хватало людей, чтобы сдерживать маршала де Буссак и французов. Наконец после доблестной обороны бастилия была взята. Резня там была большая; около двухсот латников погибло. Сиры де Бримё и де Креки и другие были взяты за большой выкуп.

Пробив таким образом проход, маршал де Буссак и все французы вошли в город. Голод уже свирепствовал там и должен был стать ещё более жестоким при столь большом гарнизоне. Тем не менее радость была чрезвычайная, и надеялись окончательно прогнать врагов. Не медля долее, пошли атаковать одну из бастилий в верхнем течении реки, где держались португалыцы, прибывшие из своей страны с герцогиней Бургундской. Эта бастилия не была крепкой; её взяли. Другая была покинута теми, кто её занимал, и они её подожгли. Бастилия же у конца моста была защищена лучше; её не могли взять.

Когда день так прошёл, сир Люксембургский и граф Хантингдон оказались в ещё большей неуверенности, чем прежде, насчёт того, что им делать. Они решили, что каждый возвратится в свой стан, что там будут ночевать в полном вооружении и что завтра французам, которые при всей своей многочисленности не могли и помышлять оставаться запертыми в Компьене, будет предложено сражение. Но бургундцы и англичане были уstraшены; эта долгая осада истощила их терпение. Не дожидаясь ничьего приказа, ночью они разбрелись во все стороны. Сир Люксембургский, питавший на сей счёт некоторое недоверие, взял с графа Хантингдона обещание хорошо охранять проход у моста, чтобы помешать его людям уходить; это оказалось невозможно, ибо и англичане тоже рассеялись. Оба начальника, так покинутые своими людьми, не могли сделать ничего иного, как поспешно отступить с теми, кто у них оставался, бросив в бастилиях припасы и прекрасную артиллерию герцога Бургундского. На их глазах и в миг их ухода жители Компьеня пришли завладеть их станами и разрушить их укрепления, выкрикивая им тысячу оскорблений. Они отступили до самой Пикардии. Французы, оставшись хозяевами поля, вновь заняли почти все крепости.

Герцог находился в Брюсселе, празднуя пышными торжествами рождение своего сына, которого нарекли Антуаном Бургундским, когда узнал, как его люди были прогнаны от Компьеня и как пропали большие расходы, понесённые им на взятие этого города. Он тотчас выехал в Аррас; там он созвал всё дворянство страны и соседних провинций, приказывая каждому сеньору прибыть со всеми воинами, каких он сможет собрать. Затем он продвинулся до Перонны и послал свой авангард занять Лёон в Сантерре. Им командовали сиры Жак де Эйи и Антуан де Вьенн. Сэр Томас Кириэль, английский рыцарь, также участвовал в нём с людьми своего народа. Герцог должен был присоединиться к ним и привести к ним людей в Жерминьи: то был небольшой городок, чей замок занимал весьма малочисленный французский гарнизон. Авангард шёл поэтому безо всякого страха; латники даже не надели доспехов; подойдя к крепости, бургундцы и англичане вдруг увидели, как в поле поднялась лисица. Нисколько не опасаясь гарнизона, который они почитали слишком слабым, они бросились в погоню, без предосторожностей и без опаски. Но Сентрайль прибыл накануне вечером в Жерминьи. Через своих разведчиков он узнал, что враг наступает в беспорядке. Люди, которых он привёл, были доблестны и испытаны. Он призвал их действовать хорошо и показал им, что враги хоть и многочисленнее, но застигнуты врасплох. Тотчас они обрушились на них с великим натиском и криками; они быстро рассеяли бургундцев. Однако капитаны собрались с несколькими

своими людьми под знаменем сэра Томаса Кириэля и доблестно оборонялись. Эта храбрость смогла послужить лишь их чести; в немногие мгновения они были убиты или взяты в плен. Жак де Эйи, Антуан де Вьенн и около пятидесяти или шестидесяти бургундских или английских рыцарей погибли. Кириэль попал в плен. Бастард де Бримё, подхитивший с гарнизоном Руа, чтобы соединиться с сиром де Эйи, думал, что ещё успеет вернуться в свой город; но доспехи его были столь богаты и блистательны, что за ним упорно погнались и он не смог ускользнуть. После этой удачной вылазки Сентрайль возвратился в Компьень.

Герцог Филипп, разгневанный гибелью своих рыцарей, призвал к себе ещё большее число бойцов и тотчас послал сира де Сен-Реми [116] к герцогу Бедфорду просить подкреплений. Сир Люксембургский, теперь именовавшийся графом де Линьи, сир де Савёз, видам Амьена, сеньор д'Антуан прибыли без промедления.

Французы, со своей стороны, собирались в Компьене. Маршал де Буссак, граф де Клермон, Жак де Шабанн, Гийом де Флави, Амадок де Виньоль, Луи де Гокур, Рено де Фонтен, оказавшись в довольно большом числе и в добром расположении духа, решили выдвинуться до Мондидье; на пути они как раз встретили сэра Луиса Робсарта, который во главе отряда англичан шёл на помощь герцогу Бургундскому. Французы были сильнее. Люди сэра Луиса Робсарта устремились и обратились в бегство. Сам же он, будучи рыцарем Подвязки, страшаясь за свою честь и желая исполнить свой долг, доблестно пал в бою. Ободрённые этим удачным днём, французские капитаны послали к герцогу герольда, чтобы вызвать его и предложить ему битву. Он весьма желал бы принять её, ибо никто не был более доблестен и рыцарствен. Но его совет представил ему, что у него недостаточно людей; хотя к нему и присоединился лорд Уиллоуби с отрядом англичан, его люди всё ещё были напуганы снятием осады Компьена и разгромом при Жерминьи. К тому же, говорили ему, не след рисковать своей славой и жизнью в бою против ротных капитанов, которые собрались, не имея начальником человека его сана. Эти доводы казались ему принадлежащими скорее к благоразумию, нежели к доблести. Однако он их выслушал, и герольд принёс французам ответ, что, если они согласятся подождать один день, граф де Линьи придёт сразиться с ними. В продолжение сего посольства обе армии стояли друг против друга; их разделяло лишь болото, и с обеих сторон начинали вызывать одна другую на стычки. Французы отвечали, что не могут оставаться долее на этом месте, ибо у них не хватает продовольствия. Тогда герцог Филипп велел предложить им разделить с ними припасы своей армии. Но поскольку он сам не обязывался сражаться лично, французы удалились и возвратились в Компьень, немало насмехаясь над ним и весьма гордясь тем, что он не отважился на бой.

И это были ещё не все неудачи бургундцев [117]. Король, тотчас после освобождения Барбазана, назначил его капитаном провинции Шампань. Сначала он отправился в Санс, затем врасплох захватил Вильнёв-ле-Руа, где стоял гарнизоном Перрине Грассе, который сам едва спасся; потом завладел Пон-сюр-Сен и пришёл осаждать крепость Шапп, в двух лье от Труа. Сир д'Омон защищал её и держался там с великим мужеством в течение нескольких недель, хотя Рене Анжуйский, герцог Барский, и присоединился к французам; наконец он послал просить помощи у совета Бургундии. Сир де Тулонжон, маршал герцогства, созвал ополчение латников в Монбаре и выступил на выручку замка Шапп. Трижды он предлагал битву сир де Барбазану, который постоянно уклонялся, выжидая удобного случая. Наконец, когда маршал попытался ввести часть своих людей в крепость, Барбазан обрушился на них; бургундцы пришли их поддержать; завязался бой, и вскоре французы, занявшие выгодную позицию, обратили врагов в бегство. Цвет дворянства Бургундии находился в этой битве; сир де Ла Тремуи, де Вержи, де Шастеллю и многие другие; но они не могли собрать своих людей. Сир де Планси и сир де Рошфор были взяты в плен. Гарнизон Шаппа хотел сделать вылазку на помощь маршалу де Тулонжону. Сир д'Омон тоже был взят, и замок пал в руки Барбазана.

Он продолжил путь к Шалону, овладел ещё несколькими крепостями. Его набеги простирались до окрестностей Лана. Гарнизоны Реймса и соседних крепостей присоединялись к нему со всех сторон; французские отряды беспрестанно затевали предприятия. Часто к ним толпами приходили общинники; тогда война становилась ещё более жестокой. Они не брали пленных; когда латники принимали слово какого-нибудь побеждённого врага, общинники, которым ничего не доставалось от этих богатых выкупов, всё равно убивали тех, с кем так договаривались.

Вскоре сир де Барбазан выиграл ещё более значительную битву. Герцог Бедфорд, узнав о его успехах, выслал против него графа Арундела, юного сира Уорика, которого обычно называли «дитя Уорика», сира де Л'Иль-Адама, сеньора де Шатийона и других добрых капитанов примерно с тысячью шестьюстами латников. Барбазан и сир де Конфлан, капитан города Шалона, вышли им навстречу со стороны Англиора, и бой завязался в месте, именуемом Ла-Крузет [118]. Во время битвы, пока шла жестокая рукопашная, Барбазан послал предупредить одного доблестного оруженосца по имени Анри де Бурж, державшего небольшой гарнизон в соседнем замке, чтобы тот сделал вылазку. Этот гарнизон только что вернулся из набега на округу. Воины переменили лошадей, пробрались за виноградниками и внезапно обрушились на врагов. Это подкрепление в четыреста храбрейших бойцов, среди коих был Рено де Виньоль, брат Ла Гира и вполне его достойный, привело англичан в смятение. Сир де Л'Иль-Адам был ранен, и всё это войско отступило в беспорядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.